

СТЕКЛЯННАЯ СТЕПЬ

РЕННЕЛЬСКОЕ УРОЧИЩЕ · КНИГА ВТОРАЯ

ТАЙНИКОВСКИЙ

Реннельское урочище

Тайниковский
Стеклянная степь

«Тайниковский»

2026

Тайниковский

Стеклянная степь / Тайниковский — «Тайниковский»,
2026 — (Реннельское урочище)

Зоолог Артём Волошин умер, думая о накладной на кормовые смеси, и очнулся в теле молодого барона. Наследство: заповедник магических зверей, четыреста тридцать два золотых долга и урочище в упадке.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	68
Глава 9	77
Глава 10	86
Глава 11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Тайниковский

Стеклянная степь

Глава 1

Про то, что у Кайрака мор, я узнал по тюкам. И от Ксаверия, который потом вскользя об этом обмолвился.

Не от него — он ничего не сказал. Просто в третью ходку ноября он привёл вместо восьми тюков одиннадцать, и это было хорошо, а в четвёртую — шесть, и это было плохо, а в пятую, перед самыми холодами, он привёл четыре и попросил взвесить дважды.

Взвешивали при нём. Гуш держал коромысло, Пим записывал, я стоял и смотрел на четыре тюка, за которыми стояли четверо мужиков вместо обычных восьмерых, да и эти были какие худые.

Я в зверье разбирался лучше, чем в людях, но истощение выглядело одинаково у всех.

Я специально отвел взгляд на дракона, дабы не пялится на тех, кто прошёл тропой.

— Ксаверий, спроси, почему мало соли.

Он ответит «мало добыли».

— Ты всё-таки спроси.

Кеша спросил.

Коренастый с обручем в бороде ответил длинно, что было для него крайне необычно.

Он говорит, что мало добыли, — перевёл дракон.

Какой-то скромный ответ для всех тех слов, что произнес Кайрак...

— А чего он не говорит?

Того, почему добыли мало.

Я подошёл к весам и положил ладонь на верхний тюк.

Соль как соль. Серая, с горчинкой, сухая. Дербен такую возьмёт не глядя.

— Ксаверий, скажи ему, что я беру всё по прежней цене и что двадцатая доля в этот раз не берётся.

Дракон повернул ко мне башку.

Реннел, это четыре тюка. Твоя доля с них — золотых семь.

— Скажи ему, как я велел.

Ты понимаешь, что если ты один раз простишь долю, они будут ждать этого всегда?

— Ксаверий, скажи, — потребовал я.

Он начал переводить и по лицу Кайрака было понятно, что тот его слушает. А затем он сделал вещь, которой не делал ни разу за девять ходок: подошёл ко мне вплотную — так, что я почувствовал запах его халата, дыма и соли, и очень медленно, глядя мне в лицо, произнёс несколько слов.

Он спрашивает, что ты хочешь взамен, — перевёл Кеша.

— Ничего не хочу взамен.

Реннел, у них нет такого слова.

— Как это у них нет такого слова?

Так. У них есть «сейчас» и «потом». Ты сказал «потом» и не назвал срок, и для него это хуже, чем если бы ты содрал вдвое.

Я подумал.

— Тогда скажи так, — распорядился я. — Скажи, что я беру за это ответ на один вопрос. Любой вопрос, один раз, в любой день, когда я его задам.

Кеша помолчал.

Это, — заметил он. — Первая разумная сделка, которую ты заключил за год.

* * *

Кайрак ответил согласием и ушёл в тот же вечер, и я думал, что свой вопрос задам весной. Задал через шесть дней.

Но прежде было ещё одно, о чём надо сказать, потому что разъяснений вообще не понятно, почему я вообще мог позволить себе простить семь золотых.

* * *

К ноябрю в Урочище впервые за двести лет был какой-никакой запас.

Не деньги — запас.

Разница между этими вещами мне объяснил Бернат, и объяснил случайно, в октябре, когда мы закладывали яму под новый погреб.

— Барон, вы деньги-то не держите в доме.

— А где их держать?

— Нигде, — отозвался он, не разгибаясь. — Барон, деньги — они как вода в решете. Вы их положите, а через месяц окажется, что надо крышу, потом кузнецу, потом ещё чего. И к весне их нет, и вы не вспомните куда.

— Бернат, у меня приходная книга.

— У вас книга, а у людей жизнь, — не согласился он. — Вы лучше на них купите то, чего потом покупать не придётся.

Я подумал над этим неделю и потратил осенние деньги так.

Соль. Три пуда, впрок, потому что соль не портится.

Крупа и мука. На зиму с запасом в треть.

Дрова. Не свои — покупные, берёзовые, потому что своих у нас в достатке, но своих надо колоть, а колоть некому, когда все на ограде.

Гвозди и скобы. Два пуда. Бернат объяснил, что гвоздь дорожает к весне вдвое, потому что весной все строят.

Овчины. Восемь штук, из которых четыре ушли на тулупы работникам, а четыре легли в сундук.

И вот эти четыре овчины, лежащие без дела в сундуке, оказались тем, чего в Урочище не было двести лет.

Запасом.

* * *

Дербен на это, кстати, посмотрел иначе.

Он приехал в конце ноября, сам, впервые за два года — обычно ездил приказчик, — и приехал с деловым предложением, которое я отклонил.

— Барон, я хочу брать вашу соль всю.

— Вы её и так берёте всю.

— Я хочу брать её по договору на три года, — уточнил Дербен, вытирая фиолетовые руки. — С уплатой вперёд за год. Триста золотых сейчас, и вся соль моя до пятисот тридцатого.

Я посидел над этим предложением.

Триста золотых сейчас. Долг закрывается наполовину. Ограда, четвёртый двор, крыша дома, которая течёт в двух местах.

— Мастер Дербен, а зачем вам это?

— Затем, что цена вырастет, — отозвался он честно. — Барон, вы этого не знаете, а я знаю: дом Виттеринга в Кальтене нашёл, что ваша соль не тянет влагу, и уже переделывает под неё две мастерских. Через год за неё будут драться.

— И вы мне об этом говорите.

— Говорю, — подтвердил Дербен. — Барон, я вас обманывать не буду, у нас с вами тридцать лет впереди. Я вам предлагаю честный торг: я беру на себя риск, что цена упадёт, вы отдаёте мне выигрыш, если она вырастет.

Я отказался.

Не потому, что предвидел мор, — я о нём тогда ещё не знал.

Просто у меня было правило, вычитанное когда-то и оказавшееся верным: никогда не продавай вперёд то, что зависит не от тебя.

Через месяц ходки прекратились, и Дербен, узнав об этом, прислал мне записку в одну строку: «Барон, вы мне сберегли триста золотых, и я этого не забуду».

Потому что на шестой день после их ухода восьмой камень остыл на треть.

* * *

Заметил Пим.

Он вёл журнал по камню с апреля. Я велел ему трижды в сутки записывать, тёплый ли, горячий, до какого расстояния тает снег и так далее, и вёл он его добросовестно и скучно, как ведут вещь, которая никогда не меняется.

А третьего декабря он прибежал ко мне без шапки во второй раз в жизни.

— Господин Тобиас, снег не тает!

— Где именно не тает?

— У камня! — он затормозил, дыша как загнанная лошадь. — Круг был два шага. Утром был два шага. Сейчас полтора.

Я взял тулуп и пошёл.

Круг был полтора шага.

К вечеру — шаг с четвертью.

* * *

Вечером я сел за приходную книгу и посчитал, во что нам обходится каждая непройденная ходка.

Считалось скверно, потому что считать надо было не убыток, а несостоявшийся доход, а несостоявшийся доход — вещь, которой в книгах нет.

Пришлось выводить самому.

За девять ходок с апреля по октябрь мы получили сто девяносто восемь золотых пошлины и доли. Делим на девять — двадцать два золотых с ходки. Ходки шли раз в три недели, значит, в квартале их четыре, значит, квартал тропы стоит восемьдесят восемь.

Я подчеркнул восемьдесят восемь и посидел над ними.

Годовой бюджет Урочища к декабрю выглядел так: сто двадцать от консорциума за право работать при переходе, сорок жалованья держателя, около ста двадцати с алхимической поставки, шестьдесят с посетителей и триста пятьдесят с тропы.

Триста пятьдесят из шестисот девяноста.

Больше половины.

— Мавра, — окликнул я через дверь. — Сколько мы платим жалованья в год?

— Считая Берната с осени и двоих подённых — семьдесят четыре, — отозвалась она, не переспрашивая.

Я записал семьдесят четыре и подчеркнул тоже.

Потом взял чистый лист и написал сверху: «Если тропа не пойдёт».

Получилось коротко. Корма и лекарства мы вытянем. Жалованье вытянем, хоть и в обрез. Долг перестанем гасить — и он снова начнёт расти на пеню. Ограду не достроим. Четвёртый двор не поставим, и мунлики будут грызться дальше.

А через год консорциум перестанет платить сто двадцать, потому что платит он за право работать при переходе, а при холодном камне работать негде.

И тогда мы вернёмся ровно туда, откуда вышли, только с журналами и с опытом.

Я убрал лист в ящик и запер. Осталось понять, что делать дальше.

* * *

Совет собрался сам, как всегда.

Мавра поставила самовар и села, не спрашивая. Гуш пришёл с фонарём. Бернат явился прямо с работы, в опилках. Илария приехала на второй день, узнав от возчика, и с порога, не снимая плаща, заявила:

— Тобиас, если вы скажете «ничего страшного», я разверну лошадь.

— Ничего такого не скажу.

— Тогда объясняйте по порядку.

— Кисейницы живы, все четверо, — начал я, разворачивая перед ней журнал. — Пара и два подростка. Едят, летают, здоровы. Якорь на месте.

— Тогда почему остывает?

— Не знаю, — признал я честно. — И это первое, что мне не нравится.

Кеша лежал на печи и молчал третий день. Это было второе.

* * *

На пятый день его молчания я не выдержал и полез к нему сам.

— Ксаверий, ты болен?

Драконы не болеют.

— Ксаверий, я задал вопрос.

Я не болен, я думаю, — отозвался он. — *И, Реннел, я думаю не о твоём камне.*

— А о чём тогда думаешь?

Он долго молчал.

О том, что я за год вырос на две ладони, — выговорил он наконец.

Я сел на лавку.

Он был прав, и я это видел ежедневно и ни разу не сказал вслух. С прошлого октября, с Пимова медяка, к нему набралось: медяк Пима, потом ещё три от него же, потом по медяку от Гуша и Берната на Рождество, потом горсть от деревенских, которые прознали и стали класть на подоконник, и Мавра эти медяки убирала в тряпицу и клала обратно, ворча.

С кошки он вырос до крупного кота.

Реннел, я сто лет усыхал по ладони в год, — заговорил Ксаверий Аргентум Третий. — *А теперь расту по две. И знаешь, что меня в этом тревожит?*

— Что?

Что мне это нравится, — отозвался он. — *И что я поймал себя на том, что каждое утро проверяю подоконник.*

Он помолчал.

Реннел, я сорок лет объяснял себе, что раздавать — правильно и что размер не важен. А теперь я по утрам хожу смотреть, не положил ли мне кто медяк. Вот об этом я думаю пятый день.

— И что ты за пять дней надумал?

Пока ничего, — признал дракон. — *Но я подозреваю, что за сто десять лет ни один Реннел не задумывался, каково это — быть тем, кому подают.*

Я решил сменить тему, которая Кеше была явно неприятна.

- А что насчет камня? Ты знаешь почему он может остывать? - задал я вопрос дракону, который давно крутился у меня на языке.

Нет, — ответил Ксаверий. — Реннел, я сто десять лет прожил у перекрёстка и видел, как гаснут девять камней. Все девять гасли одинаково: якорь умирал, камень стоял ещё месяц-полтора, потом остывал за сутки. Одиннадцать раз я видел этот порядок. В этот раз, все происходит по-другому.

— И что из этого следует?

И ни разу не видел, чтобы камень остывал при живом якоре.

Он поднял голову.

А теперь скажи мне, что тебя беспокоит на самом деле.

Я подумал.

— Меня беспокоит, что у Кайрака мор, — выговорил я. — И что камень остывает. И что и то и другое началось в ноябре.

Вот именно, — подтвердил Ксаверий Аргентум Третий и я тяжело вздохнул.

Вот чего у дракона было не отнять, это умение говорить загадками...

* * *

Илмет — про него отдельно нужно будет сказать, чтобы его появление не выглядело случайным появился в моих расчётах не случайно.

Точнее будет сказать, что я подумал о нём, ибо появился он как раз в те дни, когда началась суматоха с камнем.

Я сидел над списком работников и считал, кто что умеет, и вышло, что умеют все примерно одно: делать своё.

Гуш — зверь и всё, что руками.

Пим — журналы и посетители.

Бернат — плотницкое и печное.

Мавра — дом.

Я — считать и "открываться".

И ни один из нас не умел того, без чего мы к декабрю оказались глухими: говорить с той стороны.

— Ксаверий, а сколько ты будешь переводить? - задал я логичный вопрос дракону, который давно уже крутился у меня в голове.

Пока не надоест.

— Ксаверий, я серьёзно. Если тропа заработает как надо, у меня будет по три ходки в месяц. Это тридцать шесть переговоров в год, и все через тебя.

И что?

— И то, что ты у меня один, — уточнил я. — А если ты уснёшь? А если ты в отъезде?

Реннел, я сто десять лет никуда не отъезжал.

— А если отъедешь?

Дракон помолчал.

Тогда ты будешь глухой, — согласился он. — *И я, признаться, об этом не думал, потому что мне льстило быть незаменимым. Реннел, это, кажется, вторая вещь за неделю, которую я про себя узнал и которая мне не понравилась,* - добавил дракон и я покачал головой.

Льстит ему...

* * *

Письмо Мареку Хольту я отправил пятого декабря.

Ответ пришёл на девятый день и был короче, чем я надеялся.

Первое. Сведения о частичном остывании коронного перехода номер двенадцать дробь восемь приняты и внесены.

Второе. Обследование в зимний период не назначается по причинам, изложенным в уставе, разделе о зимних выездах.

Третье. Держателю надлежит вести суточные записи о состоянии перехода и представить их к весеннему обследованию.

И ниже, без нумерации, другим нажимом:

«Барон, я подал рапорт о внеочередном выезде. Мне отказано. Отказ подписан Э. Веккелем».

Мавра прочла письмо через моё плечо — она это делала не таясь с сентября, и я перестал возражать.

— Ставь лампу, — распорядилась она.

— Мавра, он всё равно не придёт.

— Ставь, я сказала.

Я поставил.

Йорген Холт не пришёл ни в ту ночь, ни через неделю, ни через две.

Он вообще не приходил с октября, и Мавра ставила лампу каждый вечер, и мы оба про это молчали.

Но это сильно настораживало.

* * *

А пятнадцатого декабря Гортензия сползла со стены.

Пим прибежал сообщать об этом с таким лицом, что я сперва решил, что она умерла.

— Она у нас на полу лежит!

— А на полу — это плохо?

— Она никогда не была на полу! — выпалил он. — Господин Тобиас, я год пишу, где она. Она всегда на стене или на полке. Всегда.

Я пошёл смотреть.

Гортензия лежала на полу библиотеки, у нижней полки шкафа, и была вытянута — не собрана в панцирь, как спят улитки, а вытянута во всю длину, будто решила сделать растяжку.

Я присел и посветил.

А, вот в чем дело, — усмехнулся я про себя. Улитка просто пыталась дотянуться до книги, которая лежала под нижней полкой, в щели между шкафом и полом. Видимо, она сползла туда и судя по пыли на обложке, произошло это лет пять назад, когда шкаф в последний раз двигали.

Я вытащил её кочергой.

Это была не книга. Это была подшивка: десятка полтора листов, сшитых суровой ниткой, в самодельной обложке из грубого картона. Такие делают, когда переплётчику платить нечем.

На первом листе стояло: «Записи о состоянии камней. Реннел».

Почерк я узнал сразу — тот же, что в приходной книге. Кешин.

* * *

Убери, — потребовал он, когда я принёс подшивку в кухню.

— Ксаверий, это твоё.

Это моё, и я велю тебе это убрать.

— Здесь записи о камнях, — не отступил я, разворачивая подшивку на столе. — Датированные. За сорок лет.

Дракон слез с печи, чего не делал с ноября.

Реннел, ты не понимаешь, что ты держишь, — заговорил он. — *Это не записи. Это перечень моих ошибок.*

— В каком смысле ошибок?

В прямом, — отрезал Ксаверий Аргентум Третий. — *Я сорок лет отмечал, как гаснут камни. Я записывал: якорь умер тогда-то, камень остыл тогда-то, разница столько-то суток. Одиннадцать раз я это записал и ни разу не спросил себя, почему разница каждый раз разная.*

Он ткнул мордой в развороты.

Смотри сам. Четвёртый камень: якорь пал в сорок девятом, камень остыл через сто девять суток. Седьмой: якорь пал в пятьдесят третьем, камень остыл через одиннадцать суток. Одиннадцать против ста девяти, Реннел, и я сорок лет считал это случайностью.

Я взял перо.

— А что было с седьмым в пятьдесят третьем?

Ничего.

— Ксаверий. По седьмому ходили?

Дракон замер.

Я перелистнул подшивку назад, к статьям приходной книги за те же годы, которые помнил наизусть, потому что читал их в первую неделю.

— По четвёртому в сорок девятом ходили, — доложил я. — Пошлина по нему шла ещё три года после того как якорь упал. Шла и падала, но шла. Сто девять суток — это пока ходили.

— А что было по седьмому?

По седьмому не ходили с сорок первого, — выговорил Кеша очень тихо. — *Там мир, из которого некому было приходиться.*

— Одиннадцать суток, — договорил я.

В кухне было слышно, как гудит печь.

Сто десять лет, — произнёс Ксаверий Аргентум Третий. — *Реннел, я сто десять лет держал ответ на твой вопрос у себя в подшивке и не прочёл его, потому что записывал по одной строке в год и ни разу не свёл в столбец.*

— Ксаверий, ты был один.

Я был занят, — не согласился он. — *Это разное, и второе постыднее.*

* * *

Гортензию я в тот вечер накормил лично.

Она к тому времени уже уползла обратно на стену и висела на своём обычном месте между шкафом и окном, и по ней невозможно было понять ровным счётом ничего.

Я записал в племенную книгу дату, время, положение, и внизу приписал:

«Сползла на пол впервые за год наблюдений. Под шкафом обнаружена подшивка. Совпадение? Проверить: класть под шкаф предметы и фиксировать реакцию».

И приписал ещё ниже, честно:

«Проверял четыре раза. Не реагирует».

* * *

Двадцатого декабря круг у камня был в ладонь.

Двадцать второго снег у восьмого камня не растаял вовсе.

Он не погас — от него всё ещё шло тепло, если приложить руку. Но снег больше не таял, и это означало, что тепла осталось столько же, сколько в лежалом навозе.

Я сел на прогалине прямо в снег и просидел там до темноты.

Потом пошёл в дом и задал вопрос, который держал в голове три недели.

* * *

— Ксаверий. Тропа берёт отданное.

Берёт.

— И держится на якоре.

Все так.

— Тогда объясни мне одну вещь, — продолжил я. — Если тропа кормится отданным, а якорь только удерживает её на месте — что будет, если отдавать перестанут?

Дракон очень долго молчал.

Потом слез с печи.

Он делал это редко и всегда по делу, и Мавра, увидев, отставила чугунок.

Реннел, — заговорил Ксаверий Аргентум Третий. — *Ты сейчас задал вопрос, который за сто десять лет не задал ни один Реннел. И я тебе на него отвечу, но ответ сделает нас обоих несчастными. Ты уверен, что хочешь услышать ответ?*

— Отвечай, я выдержу.

Она остынет, — произнес он. — *Не погаснет — погасают только те, у кого умер якорь. Она остынет и будет стоять холодной, пока по ней снова не пойдут и не станут платить.*

— То есть тропа — это не дорога.

Тропа — это торг, — уточнил дракон. — *Дорога есть, пока по ней ходят. Перестали ходить — она зарастает.*

* * *

Я взял приходную книгу и открыл на статье «тропная пошлина».

Апрель — четыре прохода. Май — шесть. Июнь — шесть. Июль — восемь. Август — восемь. Сентябрь — семь. Октябрь — пять.

Ноябрь — три.

Декабрь — ни одного.

— Ксаверий, у них мор, — выговорил я.

Верно, — спокойно кивнул дракон

— И они перестали ходить.

И это тоже верно.

— И если они не пойдут до весны, — договорил я. — Камень остынет насовсем, и якорь его не удержит, потому что якорь держит место, а не тепло.

Он не остынет насовсем за зиму, — не согласился Кеша. — *У него запас. Полгода, может, восемь месяцев.*

— А что будет потом?

А потом, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — *Ты будешь стоять на прогалине и смотреть на десятый мёртвый камень. И на этот раз тебе некому будет отдать триста тридцать золотых, потому что у меня их больше нет.*

* * *

Я поднялся из-за стола.

— Мавра, — окликнул я. — Сколько у нас муки?

— Мешков одиннадцать, — доложила она, не оборачиваясь. — И правда одиннадцать, я больше не округляю.

— А крупы сколько?

— Крупы восемь мешков.

— Солонины на сколько хватит?

Мавра повернулась.

— Мальчик мой, ты чего задумал?

— Считаю, — отозвался я.

— Ты не считаешь. Ты уже решил.

Мавра вытерла руки о передник.

— Говори, чего надумал.

Я обвёл кухню глазами.

Гуш у двери. Бернат на лавке. Пим с журналом. Илария, оставшаяся ночевать, потому что метель.

— Через тропу мор не ходит, — заговорил я. — Это я знаю точно: за девять ходок к нам оттуда не пришло ни одной болезни, а карантин у меня по уставу, и я его вёл. Мор у них — их собственный. Значит, он лечится там.

— Тобиас, — очень медленно выговорила Илария. — Вы собираетесь пойти на ту сторону.

— Именно это и собираюсь.

— Зимой собираетесь идти?

— Зимой, другого времени нет, — подтвердил я.

— К людям, которых вы не понимаете без дракона.

— К людям, которые девять раз честно платили пошлину и в десятый не пришли, — уточнил я. — Илария, у меня там мрут не звери. Там мрут люди и скот, и это, между прочим, ровно та работа, которой я занимался восемь лет.

Она молчала.

— И ещё, — договорил я. — Если они не начнут ходить до августа, я потеряю тропу. И тогда всё, что мы делали год, было зря.

* * *

Кеша заговорил только через час, когда все разошлись.

Ты понимаешь, что тебе туда нельзя?

— Прекрасно понимаю, что нельзя, — ответил я и процитировал строчку из устава. "Устав, раздел о зимних выездах. Держатель не покидает переход дольше чем на десять суток без уведомления службы".

— Уведомлю как положено.

Веккель откажет.

— Пусть откажет письменно, — отозвался я. — Мне важна не бумага. Мне важно, чтобы отказ был.

Дракон посмотрел на меня.

Реннел, ты за год научился думать как крючоктвор, — заметил он. — Не знаю, гордиться мне или ужасаться.

— Ксаверий, у меня к тебе вопрос.

Задавай.

— Ты пойдёшь со мной?

Он молчал очень долго.

Реннел, я вешу меньше кошки, — выговорил он наконец. — На той стороне четыре дня пути до перевала по открытой степи, и там зимой ветер, который валит верблюда. Я не долечу и не дойду. Меня можно только донести. В мешке и...

— Значит, понесу в мешке, — закончил я за Ксаверия.

Ты понимаешь, что ты сейчас предлагаешь дракону?

— Понимаю, — подтвердил я. — Я предлагаю тебе ехать в мешке, потому что без тебя я там глухой.

Ксаверий Аргентум Третий из Кладки Пепельных Гор помолчал.

Мешок должен быть на меху, — распорядился он.

* * *

А в ночь на двадцать шестое к нам постучали.

Не в дверь — в кухонное окно, снаружи, в то самое, где всю осень стояла лампа.

Мавра открыла раньше меня.

На крыльце стоял человек, которого я никогда не видел, и он был на голову ниже меня, в халате не нашего кроя, обмороженный до синевы, и держался за косяк, потому что стоять не мог.

Он выговорил три слова.

Я не понял ни одного.

Но Кеша, спрыгнувший с печи, перевёл раньше, чем человек договорил.

Он говорит: «Кайрак послал», — перевёл дракон. — И он пришёл сюда пешком через тропу. Один. Без пошлины.

Глава 2

Человека звали Тегиш, и он умирал у нас в кухне четверо суток.

Не от мора — от дороги. Обморожение третьей степени на обеих кистях, две трети правой стопы, истощение, и всё это на человеке, который прошёл четыре дня по зимней степи и потом ещё сутки по нашей стороне, потому что вышел из тропы ночью и заблудился в собственном парке Реннелов.

Илария приехала на второй час после того, как я послал за ней Пима.

Она сняла с него всё, посмотрела и очень ровно объявила:

— Пальцы на правой я снимаю сегодня. На левой посмотрим до утра. Стопу — не знаю.

— Он у нас выживет?

— Не знаю, — отозвалась Илария, раскладывая инструменты. — Тобиас, мне нужен кипяток, чистое полотно и человек, который будет держать. Не вы.

— А почему держать буду не я?

— Потому что вы будете держать и одновременно слушать его через дракона, — пояснила она. — И на третьей минуте выберете слушать.

Держал Гуш.

* * *

Про эту ночь я напишу подробнее, чем хотел, потому что она объясняет всё, что было потом.

Резали на кухонном столе — на том самом, который год назад Мавра отказалась дать под кисейницу и который теперь отдала без единого слова.

Она сама его выскоблила и трижды ошпарила, пока Илария раскладывала инструмент.

— Мавра, тебе не надо тут быть.

— Надо, — не приняла она. — Кипяток кто носить будет?

— Пим и принесёт кипяток.

— Пимке пятнадцать, — отрезала Мавра. — Он до утра простоит и не свалится, а потом три ночи спать не будет.

Она носила кипяток восемь раз за ночь и ни разу не посмотрела на стол.

* * *

Илария работала два часа сорок минут.

Правая кисть — четыре пальца. Она снимала их по одному, и после каждого просила Гуша переложить руку, и Гуш перекладывал так осторожно, что я всякий раз забывал, что он может переломить оглоблю.

Стопу она в ту ночь не тронула.

— Илария, вы говорили — стопу.

— Я говорила «не знаю», — уточнила она, не поднимая головы. — Тобиас, у него пульс сто двадцать. Если я сейчас возьмусь за стопу, он у меня умрёт на столе от того, что я слишком много захотела за один раз.

— А если она пойдёт дальше?

— Тогда я возьмусь за неё через три дня, — отозвалась Илария. — И у него будет три дня, чтобы набраться сил, а у меня — чтобы посмотреть, как идёт граница.

Она посмотрела на меня поверх повязки.

— Тобиас, это не осторожность. Это расчёт. Мёртвое никуда не денется, а живое можно потерять.

Стопу она сняла на пятый день. Третью, как и говорила.

* * *

Про то, как Тегиш это перенёс, я скажу коротко, потому что подробно не смогу.

Он не кричал.

Он молчал два часа сорок минут, и когда Илария закончила и отошла, он что-то произнёс, и Кеша, стоявший всё это время на подоконнике, перевёл, не дожидаясь просьбы.

Он благодарит, — доложил дракон. — *И спрашивает, будет ли он мочь держать повод.*

— Ксаверий, скажи: будет.

Ты уверен?

— Скажи, что будет, — повторил я. — Ксаверий, у него на левой все пальцы. Повод держат левой.

Дракон перевёл.

Тегиш закрыл глаза, и я подумал, что он потерял сознание, а Илария посмотрела и сказала, что он просто заснул.

* * *

Мавра в ту ночь легла в четыре и встала в шесть.

Я застал её на кухне, за отскабливанием стола, и стол был уже чистый.

— Мавра, иди спать.

— Мне тесто ставить.

— Мавра, ты вторые сутки на ногах.

— Мальчик мой, — не приняла она, не оборачиваясь. — Я этот стол сорок восемь лет знаю. Я на нём тесто мешу. Если я его сейчас не отскоблю до дерева, я на нём больше месить не смогу, и придётся новый покупать.

Она домыла и добавила:

— А новый стоит два золотых.

* * *

Тегиш пришёл в себя на вторые сутки и первым делом попытался встать.

Мавра усадила его обратно одним движением — тем самым, каким сажала Пима после обморока, после чего накрыла одеялом до подбородка.

— Лежи, — распорядилась она.

Он посмотрел на неё.

Потом что-то произнёс, коротко, и Кеша с печи перевёл, не дожидаясь просьбы.

Он спрашивает, сколько должен за постой.

— Ксаверий, скажи, что нисколько.

Реннел, я тебя предупреждал про это слово.

— Тогда скажи, что за постой платит Кайрак, — исправился я. — И что счёт будет предъявлен весной.

Дракон перевёл.

Тегиш выслушал, кивнул и закрыл глаза, и по тому, как разгладилось у него лицо, я понял, что впервые за пять суток он позволил себе немного отдохнуть.

* * *

Говорить он смог только на четвёртый день.

Я сел у лежанки, Кеша устроился на табурете рядом — с полу ему было плохо видно лица, и мы просидели три часа.

Складывалось скверно.

Первое. Мор начался у скота в конце сентября. Верблюды. У Кайрака их сорок с чем-то на всё кочевье, и это не мясо и не молоко, а тягло: соль от разливов до перевала возят только они.

Второе. К ноябрю пало девятнадцать. К декабрю — двадцать шесть.

Третье. В ноябре слегли первые люди.

— Ксаверий, спроси, как это выглядит у людей.

Кеша спросил. Тегиш ответил длинно, и дракон переводил кусками, останавливаясь и переспрашивая.

Жар, — перевёл он. — Слабость. Через несколько дней проходит. Потом возвращается. Потом снова проходит.

— Кто-нибудь умер?

Трое стариков.

Я записывал.

— Спроси, сколько дней от жара до жара.

Тегиш подумал очень долго и показал на пальцах.

Он говорит, у всех по-разному, — перевёл Кеша. — От пяти до девяти.

Я отложил перо.

* * *

— Илария, послушайте меня.

Она сидела в углу и слушала всё это, не вмешиваясь.

— Слушаю вас внимательно.

— Волнообразная лихорадка с интервалом от пяти до девяти суток, — доложил я. — Началось у скота, через полтора месяца перешло на людей. У людей течёт легче.

Илария выпрямилась.

— От скота к человеку, — уточнила она.

— От скота к человеку.

— Тобиас, я знаю такое у нас, — заговорила она медленно. — У коров бывает. Мы это зовём молочной тряской. Она даёт выкидыш у стельных и волновой жар у доярок.

— И как оно лечится?

— Никак, — отозвалась Илария. — Она проходит сама у половины, и не проходит у половины.

— А как останавливается?

Она посмотрела на меня.

— Забоем, — выговорила она. — Тобиас, у нас это останавливают только забоем всего стада и выжиганием стойла.

* * *

Я сидел с этой фразой минут пять.

— У них сорок верблюдов, — заговорил я наконец. — Пало двадцать шесть. Осталось четырнадцать.

— И если это она, — договорила Илария. — Четырнадцать надо резать. Всех. Иначе через год не останется ни верблюдов, ни половины кочевья.

— Они не порежут.

— Я знаю, что не порежут, — согласилась она. — Я двенадцать лет уговариваю мужиков в Овеське зарезать одну корову из десяти, и это удаётся мне раз из трёх. А тут четырнадцать из четырнадцати, и это всё их тягло.

Кеша с табурета повернул башку.

Реннел, есть вопрос поважнее, — заметил он.

— Какой вопрос поважнее?

Как эта дрянь попала к ним, если сорок лет её у них не было?

* * *

Я задал этот вопрос Тегишу через Кешу и получил ответ, от которого у меня похолодело.

Он говорит, что в августе к ним пришли с другой стороны, — перевёл дракон. — Не через наш камень. Через второй перевал, тот, которым они ходили двадцать лет, пока наша тропа была закрыта.

— И кто именно к ним пришёл?

Торговцы. Не их народа. Пригнали скот на обмен.

— Какой скот они пригнали?

Коров, — перевёл Кеша. — Восемь коров.

Я закрыл глаза.

— Ксаверий, спроси: коровы были здоровые?

Дракон спросил.

Он говорит, коровы были прекрасные, — отозвался Кеша. — Он говорит, две были стельные, и это считалось особенно удачной сделкой.

* * *

Вечером я собрал всех и выложил на стол лист.

На листе было четыре строки.

«Август — восемь коров, две стельные, привезены торговцами не их народа через второй перевал».

«Конец сентября — верблюды начали болеть».

«Ноябрь — жар у людей. Первое сокращение ходок».

«Декабрь — ходок нет. Камень остывает».

— Кто-то завёз им заразу, — выговорил Бернат, дочитав.

— Возможно, — не согласился я. — А возможно, коровы были больные и никто этого не знал. Такое бывает чаще, чем злой умысел.

— Барон, а вы сами-то в это верите?

Я подумал.

— Нет, — признал я.

* * *

Илария взяла лист и перечитала.

— Тобиас, тут есть третья строка, которой вы не написали, — заметила она.

— Какая же третья строка?

— Кому выгодно, чтобы ваша тропа остыла.

В кухне стало тихо.

— Илария, это очень длинный прыжок, — возразил я.

— Длинный, — согласилась она. — Я его делаю не потому, что мне так думается, а потому, что больше некому. Вы не сделаете: вы весь год говорите, что не бывает злодеев. Мавра не сделает — она о людях и так плохого мнения и потому не удивляется. Так что делаю я.

Мавра у печи хмыкнула.

— А ведь верно говорит, — одобрила она, после чего продолжила заниматься тем, чем занималась.

* * *

Гуш пришёл ко мне на другой день после того разговора, с утра, и встал в дверях кабинета.

За год он заходил в кабинет дважды, оба раза по делу, и оба раза дело было плохое.

— Господин, я скажу одну вещь.

— Говори, что там у тебя.

— Я на каменоломне видел мор, — доложил Гуш. — Не такой. Другой. Но видел.

Я отложил перо.

— Садись и рассказывай по порядку.

Он не сел. Он вообще никогда не садился в кабинете, и я перестал предлагать.

— Двенадцать лет назад, — начал Гуш. — У нас на каменоломне держали волов. Двадцать шесть штук. Пали за зиму все.

— От чего они пали?

— Не знаю от чего. Знаю, что было.

Он помолчал, подбирая.

— Первые пали в ноябре. Хозяин сказал: корм плохой. Купили другой корм. В декабре пали ещё девять. Хозяин сказал: холод. Поставили жаровни.

— А что было в январе?

— В январе пали остальные, — отозвался Гуш. — И тогда приехал человек из города и велел жечь стойло. Всё. С полами.

— И что же, сожгли его?

— Сожгли до самой земли.

— И что было дальше?

— И на следующую зиму купили новых волов, и они не пали, — договорил Гуш.

* * *

Я сидел и смотрел на него.

— Гуш, а почему ты мне это рассказываешь?

— Потому что хозяин полгода искал причину, — отозвался он. — Корм. Холод. Вода. Сглаз. Даже звал бабку. Он всё искал, отчего они мрут.

— А человек из города?

— А человек из города не искал, — уточнил Гуш. — Он посмотрел и велел жечь.

Он переступил с ноги на ногу.

— Господин, я к тому, что вы туда поедете и будете искать отчего. Вы так делаете. Вы у пеплогрива корыто нашли.

— И там найду, не впервой.

— А если не найдёте?

Вот на этом вопросе я и застрял.

Потому что за год в Урочище я привык, что причину можно найти. Корыто переставили. Крыло болит. Подшёрсток выгорел на свету. Всё, что шло не так, делалось не так по понятной причине, и она всегда обнаруживалась, если смотреть достаточно долго.

А тут причина, скорее всего, известна с самого начала: восемь коров, две стельные, август.

И знание причины не даёт ровным счётом ничего.

— Гуш, ты прав, — признал я. — Я поеду искать, и это будет ошибка.

— Я не говорил про ошибку.

— Ты говорил именно про неё, — не согласился я. — И это правильно, что ты сказал сейчас, а не когда я вернусь ни с чем.

* * *

Провизию считали трижды, и последний счёт сделала Мавра, и он оказался единственным верным.

Мой был на сорок суток на четверых, из расчёта по два фунта в день на человека.

— Мальчик мой, ты дурак.

— Обоснуй, в чём я дурак.

— Ты считал на четверых, — уточнила она, водя пальцем по моему листу. — А идёте вы вчетвером туда. А обратно вас сколько пойдёт?

Я посмотрел на список.

— Обратно те же четверо.

— А если пятеро? — не приняла Мавра. — А если Тегиш оправится и пойдёт с вами? А если оттуда кого приведёте?

— Мавра, кого мы оттуда приведём?

— Не знаю кого, — отрезала она. — Ты в прошлый раз птицу привёл, я тоже не знала. Считай на шестерых.

Я пересчитал на шестерых.

И оказалось, что сделал это не зря.

Отчёт вышел четырёх страницах, и Крич бы им гордился второй раз.

Первое. Держатель уведомляет о частичном остывании коронного перехода номер двенадцать дробь восемь. Суточные записи с третьего декабря прилагаются, всего девятнадцать листов.

Второе. Держателем установлена причина: прекращение проходов вследствие эпизоотии на сопредельной стороне. Показания подданного сопредельной стороны, снятые через переводчика, прилагаются.

Третье. Держатель уведомляет о намерении совершить проход на сопредельную сторону сроком до сорока суток с целью устранения причины.

Четвёртое. В случае отказа держатель просит указать, каким иным способом надлежит устранить причину остывания коронного объекта, за содержание которого держатель несёт ответственность по уставу.

Вот четвёртый пункт я переписывал одиннадцать раз.

Потому что он был ловушкой, и её надо было поставить так, чтобы она не выглядела таковой.

* * *

Он тебе не ответит, — заметил Кеша, когда я дочитал вслух.

— Ответит, куда не денется.

Реннел, он начальник отдела. Он молчит профессионально.

— Он не сможет промолчать, — не согласился я. — Ксаверий, посмотри на четвёртый пункт ещё раз. Я не спрашиваю разрешения. Я спрашиваю, как мне исполнить свою обязанность, если он мне запрещает единственный известный способ.

И?

— И если он промолчит, — ответил я. — То через полгода, когда камень остынет, отвечать буду не я, а он, ибо со своей стороны я сделал все что мог, но письменное уведомление мной получено не было. Как впрочем и указаний, что мне надлежит делать дальше.

Дракон какое-то время молчал.

Реннел, — выговорил он наконец. — *Год назад ты не мог посчитать свечные огарки.*

— Год назад у меня не было такого управляющего.

Не подлизывайся, — потребовал Ксаверий Аргентум Третий. — Отправляй, — произнес дракон и я увидел на его чешуйчатой морде довольную улыбку.

Лезть, как оказалось, хорошо справлялась и с драконами.

* * *

Ответ пришёл через одиннадцать дней, и я до сих пор считаю его самым коротким документом, который держал в руках.

«Проход на сопредельную сторону сроком до сорока суток разрешён.

Держателю надлежит вести реестр по установленной форме.

Э. Веккель».

Ни отказа. Ни условий. Ни единого лишнего слова.

Я перечитал трижды и понёс Кеше.

Плохо, — определил он.

— Он же разрешил, — не понял я дракона.

Он разрешил слишком быстро, — уточнил дракон. — *Реннел, ты составил бумагу, которая ставит его в неудобное положение, и он должен был выкручиваться недели три. Он ответил на одиннадцатый день одной строкой.*

— И что это значит?

Одно из двух, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — *Либо он не понял, что ты ему подложил. Либо он этого и ждал.*

* * *

Собирались одиннадцать дней.

Список писала Мавра, и на этот раз я в него не лез вовсе, потому что научился полностью ей доверять в этих вопросах.

Провизия на сорок суток на шестерых. Сухари, крупа, солонина, жир, соль — два фунта, потому что у них соль есть, а вот сахару нет. И Мавра положила его отдельно, «для больных, а не для тебя».

Аптека Иларии. Два сундучка вместо одного. Она перебирала их четыре дня и на третий сказала фразу, которую я записал: «Я собираю то, что понадобится, и то, что не понадобится. Второго вдвое больше, и это правильно».

Инструмент. Скальпели, зажимы, пилы — да, пилы, потому что если стопу Тегиша пришлось снимать здесь, то там будет то же самое и не раз.

Меховой мешок. Сшила Мавра, по своей выкройке, изнутри овчина, снаружи кожа, с прорезью для морды и с ремнями через плечо.

Кеша осматривал его двадцать минут.

Приемлемо, — вынес он вердикт.

— Мавра три дня шила.

Я сказал «приемлемо», — не уступил дракон. — Реннел, я сто восемьдесят пять лет прожил, ни разу не будучи носимым. Дай мне сохранить хотя бы тон.

* * *

Кеша в те дни занимался вещью, о которой я узнал случайно, и узнал уже перед самым выходом.

Он учил словарь.

Тот самый, которым прадед подпирает дверь: кайракско-вирланский, составленный неизвестно кем и неизвестно когда, на восемьдесят страниц, с чернилами, выцветшими до бурого.

Я застал его за этим ночью: дракон лежал на столе в кабинете, придерживая лапой страницу, и смотрел в неё, не двигаясь.

— Ксаверий, ты же знаешь их язык.

Я знаю их язык двадцатилетней давности, — не согласился он, не поднимая головы. — *Реннел, я последний раз говорил на нём в семьдесят девятом. Языки меняются.*

— За двадцать лет?

За двадцать лет — не сильно, — уточнил Кеша. — *Но я иду туда переводчиком, и если я ошибусь в одном слове при разговоре о море, ты потом будешь лечить не то и не тем.*

Он перевернул страницу когтем.

И, Реннел, есть вторая причина, и она хуже.

— И какая же вторая?

Этот словарь составлял человек, который был там, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — *Смотри, как он устроен: сперва еда, потом скот, потом болезни, потом счёт и мера. Так составляют не учёные. Так составляет тот, кто там жил и торговал.*

— И что это значит?

Что до нас туда ходили не только за солью, — уточнил дракон. — *И что я двести лет держал этот словарь за подпорку.*

* * *

Шли вчетвером: я, Гуш, Илария и Кеша в мешке.

Пим остался, и в этот раз без скандала.

Он пришёл ко мне накануне вечером с журналом и с очень взрослым лицом.

— Господин Тобиас, я всё понял.

— И что же ты понял?

— Что если уйдут все, кто разбирается в делах урочища, то не останется никого, кто бы мог за ним приглядывать, — доложил он. — Я даже это записал.

Я взял у него журнал и прочёл запись.

Она была на две строки и заканчивалась подписью: «Наблюдатель Пим».

— Пим, слушай распоряжение.

— Слушаю, господин Тобиас.

— Ты за сорок суток остаёшься за старшего по зверю, — произнес я. — Бернат за старшего по хозяйству, Мавра за старшего надо всеми, включая Берната. Ты понял разницу?

— Понял. Я по зверю.

— И если что-то пойдёт не так, — договорил я. — Ты пишешь Кричу. Не Мареку. Кричу.

— А почему именно Кричу?

— Потому что он единственный, кто ответит на письмо от четырнадцатилетнего.

* * *

Тегиша оставили.

Это было отдельным разговором, и он вышел тяжелее, чем я думал.

Он к тому времени встал — на костыле, который выстругал Бернат, и в первый же день попытался колоть дрова одной рукой. Мавра отобрала топор молча, а потом объяснила ему через дракона, и объяснение заняло минут пять.

— Ксаверий, спроси, чего он хочет.

Он хочет идти с вами.

— Ксаверий, он же не дойдёт.

Я ему это сказал. Он ответил, что дошёл сюда.

Я посмотрел на Тегиша.

Он стоял, опершись на костыль, и лицо у него было не упрямое, а виноватое, и вот это оказалось хуже упрямства.

— Ксаверий, спроси, что он скажет своим, если вернётся без нас.

Дракон спросил.

Тегиш ответил коротко и опустил голову.

Он говорит, что его не спросят, — перевёл Кеша. — Он говорит, что человека, который ушёл за помощью и вернулся ни с чем, у них не спрашивают ни о чём.

Я подумал.

— Тогда так, — распорядился я. — Скажи ему, что он не вернётся ни с чем. Он вернётся весной, вместе с нами, и приведёт нас обратно. И скажи, что до весны он у меня на службе, за жалованье, как все.

Кеша перевёл.

Тегиш поднял голову и что-то спросил.

Он спрашивает, какая работа.

— Учить нас говорить, — отозвался я. — Меня, Иларию и Пима. Каждый день, по два часа. Ксаверий не всегда будет рядом.

Дракон помолчал.

Реннел, — заметил он. — Это, между прочим, разумно и без всякой доброты.

— Одно другому не мешает.

Это, — определил Ксаверий Аргентум Третий. — Фраза твоей домоправительницы, и ты произнёс её с интонацией Мавры. Я начинаю беспокоиться.

* * *

Мавра провожала нас на прогалине.

Она стояла в шали поверх тулупа, в снегу, и держала в руках узелок, который сунула мне в последний момент.

— Мавра, у меня провизия.

— Это соль, — распорядилась она. — Не спорь.

— У них там соль. Это их соль.

— А это моя, — отрезала Мавра. — Пусть будет.

Я взял.

— И вот что, мальчик мой, — она подтянула меня за отворот тулупа, как год назад. — Ты в прошлый раз сказал «постараюсь».

— Так и сказал, помню.

— Скажи мне это ещё раз.

— Постараюсь, — выговорил я.

— Вот, — одобрила Мавра и выпустила отворот. — Иди.

* * *

За два дня до выхода Тегиш дал нам первый урок.

Он усадил меня, Иларию и Пима на лавку в кухне, взял со стола солонку и произнёс слово.

Потом посмотрел на нас и стал ждать.

— Ксаверий, что он сказал?

Ничего он не сказал, — отозвался Кеша с печи. — Он назвал соль. И он ждёт, чтобы вы повторили.

— Так пусть объяснит.

Он не может объяснить, Реннел. Он не знает вашего языка. В этом, если ты не заметил, вся суть затруднения.

Мы повторили.

Тегиш поморщился и произнёс слово ещё раз, медленнее.

Пим повторил третьим и попал.

Тегиш поставил солонку перед ним, кивнул и взял со стола нож.

К концу первого часа мы знали одиннадцать слов, и десять из них были названиями предметов на кухонном столе. Одиннадцатое Тегиш показал сам, без предмета: приложил ладонь к груди и сказал коротко.

Это «нет», — перевёл Кеша. — И запомните его лучше остальных, потому что оно вам понадобится чаще всего.

— Почему чаще всего?

Потому что вы едете к людям, которые будут вам всё предлагать, — отозвался дракон. — И половину предложенного вам придётся отклонять, а «нет» без слова у них означает согласие.

Илария записала это в свою книжечку и подчеркнула дважды.

* * *

Восьмой камень был холодный.

Не мёртвый — от него шло чуть-чуть, как от остывающей печи к утру. Рябь над ним стояла, но тонкая, и сквозь неё просвечивал снег с той стороны.

Гуш прошёл первым, потому что нёс больше всех.

Илария второй.

Я перехватил мешок с Кешей поудобнее и остановился перед рябью.

— Ксаверий, один вопрос напоследок.

Что.

— Если она закроется, пока мы там.

То мы там останемся, — отозвался он. — Реннел, мы это обсуждали в октябре прошлого года, и ты тогда тоже спросил на пороге. Иди.

Я шагнул.

И по ту сторону меня встретил ветер, какого я не чувствовал ни разу в жизни — ни в этом теле, ни в прежнем.

Глава 3

Первое, что я понял на той стороне, — Кеша всё это время переводил приблизительно. Он говорил «верблюды». Я представлял верблюдов.

Нас встречали двое верховых, и то, на чём они сидели, верблюдами не было ни в одном отношении, кроме общего силуэта: горб, длинная шея, высокие ноги.

Дальше начинались различия.

Шерсть не бурая, а грязно-белая, и не шерсть вовсе. Это было что-то среднее между шерстью и пером, слоистое, прилегающее к телу словно черепица. Голова маленькая, узкая, с длинными подвижными ноздрями, которые зверь закрывал и открывал по своей воле. Копыт не было и вовсе. Широкая мягкая подошва в две ладони, с ороговевшим краем.

Я стоял на морозе с мешком за плечами и разглядывал эту подошву, пока Илария не тронула меня за рукав.

— Тобиас, нас ждут.

— Сейчас подойду, минуту.

— Тобиас, они ждут на ветру.

— Илария, у него подошва как у верблюда, а нога как у птицы, — отозвался я, не двигаясь. — И он не мерзнет при таком ветре. Дайте мне минуту, - добавил я и моя собеседница насупилась.

Но время дала.

* * *

Ты собираешься так стоять четыре дня? — осведомился Кеша из мешка.

— Ксаверий, ты сказал «верблюды».

Я сказал «то, что возит грузы и жует и имеет горб». В вашем языке это верблюд.

— В моём языке это четыре разных отряда, — не согласился я, наконец разгибаясь. — Ксаверий, а что ты ещё переводил приблизительно?

Дракон помолчал.

Всё, — признал он.

* * *

Про степь надо сказать отдельно, иначе непонятно, почему я про неё думаю до сих пор. Она была белой.

Не снежная — снега там было мало, ветер его сдувает в лощины. Белая сама по себе: под ногами лежала соляная корка в палец толщиной, и она шла до горизонта во все стороны, и на ней ничего не расло.

Корка ломалась под подошвой с сухим стеклянным звуком. Идёшь — и за тобой остаётся дорожка битого стекла, пока ветер не заровняет.

Солнце там тоже было, но низкое и тусклое, будто смотришь на него через мутную призму. Зато корка отражала лучи, и к третьему часу пути у меня заслезились глаза, а к пятому Илария выдала всем полосы холста с прорезями, потому что у неё в аптеке нашлось всё, включая то, чего быть не должно.

— Илария, откуда вы знали?

— Я не знала, — отозвалась она, завязывая мне повязку на затылке. — Я читала про снежную слепоту у горцев. Подумала: если у них соль до горизонта, будет то же самое.

— Вы читали про горцев? - слегка удивился я.

— Я читаю всё, что попадается, — уточнила Илария. — Тобиас, у меня отец разорившийся барон. У нас в доме нет ничего, кроме книг, потому что книги никто не покупает.

* * *

Ветер там не дул. Он шёл.

Ровно, без порывов, в одну сторону, и не прекращается никогда. К концу первого дня я поймал себя на том, что стою чуть наклонившись вперед. Тело за девять часов приняло его как норму.

Гуш шёл впереди и молчал.

Он вообще всю дорогу молчал больше обычного, и я решил, что дело в холоде, а на второй вечер выяснилось, что нет.

— Господин, я одну вещь заметил.

— Что ты заметил?

— Тут звери есть, — доложил Гуш.

Я обвёл взглядом белую равнину.

— Где ты их видишь?

— Они под коркой, — отозвался он и постучал подошвой. — Ложитесь и слушайте.

Я лёг.

Прямо на соль, ухом, как ложился у нор копунов, — и через палец соляной корки услышал: скребёт.

Не в одном месте. Везде.

* * *

Тегишевы люди — их звали Ойраг и Мерт, и это были единственные два слова, которые я разобрал без Кеши, — на моё лежание посмотрели без всякого удивления.

Ойраг что-то произнёс.

Он говорит, там солевые черви, — перевёл дракон. — Он говорит, они безвредны и что вы их будете есть, когда кончится провизия.

— Ксаверий, спроси, какого они размера.

Ойраг развёл руки на локоть.

Я записал в блокнот: «Роющее беспозвоночное, длина до локтя, в толще соляной корки, плотность высокая — слышно повсеместно. Съедобно (по словам местных). Питание — чем?»

И приписал: «Соль не питательна. Значит, они едят не соль. Значит, под коркой что-то есть».

* * *

Первого павшего мы встретили на третий день.

Он лежал шагах в двадцати от тропы, наполовину заметённый солёной пылью, и Ойраг, увидев его, сделал жест, которого я не понял, и попытался нас увести.

— Ксаверий, что он делает?

Он отводит вас. У них не смотрят на павший скот.

— А почему не смотрят?

Он не объясняет. Он просто отводит.

Я остановился.

— Ксаверий, скажи ему, что я должен посмотреть.

Дракон перевёл.

Ойраг ответил коротко и резко, и по интонации я понял раньше перевода.

Он говорит: нельзя.

— Скажи, что я лекарь.

Сказал. Он говорит, что лекарь тем более не должен.

* * *

Мы стояли на ветру минут пять.

Я знал, что могу настоять. Я держатель перехода, у меня разрешение службы, я здесь по их же просьбе, и если я пойду к этой туше, Ойраг меня не остановит физически.

И я знал, чем это кончится: он не остановит, а через четыре дня в кочевье все будут знать, что чужой лекарь полез туда, куда у них не лезут.

— Илария, рассудите нас.

— Слушаю вас внимательно.

— Что важнее: посмотреть эту тушу или чтобы нас пустили к живым?

Она подумала недолго.

— К живым, — отозвалась она. — Тобиас, эта туша тут три недели на морозе. Она вам скажет вдвое меньше, чем один больной верблюд, к которому вас подпустят добровольно.

— Согласен, идём дальше.

Я записал место, направление и приметы — три камня в ряд, редкость в этой степи, — и пошёл дальше.

А через сорок шагов остановился ещё раз.

* * *

— Ксаверий. Спроси у него одну вещь, и спроси мягко.

Спрашиваю.

— Спроси, кто хоронит павший скот.

Дракон спросил.

Ойраг ответил длинно, и по мере перевода у меня менялось лицо.

Никто не хоронит, — перевёл Кеша. — *Павшего оставляют, где пал. Его берёт степь.*

— Кто именно берёт?

Черви, — отозвался дракон. — *Те самые. За месяц от туши остаётся костяк, и это считается правильным устройством мира.*

Я стоял на соляной корке и слушал, как под ней везде, во все стороны до горизонта, что-то скребёт.

— Илария, вы это слышите?

— Слышу, — отозвалась она.

— Двадцать шесть туш за три месяца, — выговорил я. — И всё, что от них осталось, ушло под корку.

* * *

Ночевали в ложине, где ветер шёл поверху.

Ойраг и Мерт поставили шатёр за четверть часа — низкий, тёмный, войлочный, с дырой наверху и очагом посередине. В нём жгли сухие лепёшки, о происхождении которых я решил не спрашивать, потому что и так знал.

Внутри было тепло и почти нечем дышать.

Гуш заснул через минуту. Ойраг и Мерт сидели у входа и негромко переговаривались. Кеша устроился между мной и очагом, потому что теплее места не было, и то, что дракон греется у огня, оказалось для меня неожиданно трогательным.

Илария не спала.

— Тобиас, вы не спите?

— Не сплю, а вам чего не спится?

— Не могу уснуть, — подтвердила она, глядя в дыру наверху. — Я всё думаю про то, что вы утром сказали Ойрагу.

— Это вы про ту тушу?

— Про то, что важнее живые, — уточнила Илария. — Тобиас, я вам ответила слишком быстро.

— Вы ответили правильно.

— Я ответила удобно, — не согласилась она. — Это разное.

Я приподнялся на локте.

— Поясните, я не понял разницы.

— Я двенадцать лет лечу скот у людей, которые верят в сглаз, — заговорила Илария. — И я двенадцать лет выбираю не спорить: не спорю про домового в хлеву, не спорю про наговор

на молоко, не спорю про то, что телёнка нельзя показывать чужому в первый день. Я делаю своё дело и молчу.

— И правильно делаете.

— Может, и правильно, — согласилась она. — А может, я за двенадцать лет ни разу не проверила, что было бы, если бы я один раз поспорила.

Она повернула голову.

— Сегодня я вам посоветовала не спорить. И это был совет из привычки, а не из расчёта.

* * *

Я лежал и смотрел в дыру наверху, где шёл дым и не было видно ни одной звезды, потому что над степью висела мгла.

— Илария, можно я спрошу не по делу?

— Спрашивайте, чего уж теперь.

— Зачем вы поехали со мной?

Она молчала долго.

— По трём причинам, — отозвалась она наконец. — Первая: вы бы поехали один и без меня угробили бы себя на третий день, потому что у вас нет ни одного правила, которое вы соблюдаете сами для себя.

Это я конечно и так знал, но услышать подтверждение от другого человека, оказалось более неприятно, чем я думал.

— Это верно, — пришлось согласиться мне.

— Вторая: у меня договор, восьмая доля, и если ваша тропа остынет, я потеряю свою часть денег, — продолжила Илария. — Это я тоже могу произнести вслух без стыда.

— А что за третья причина?

— А третью я вам не скажу, — отрезала она.

— Илария, вы начали, договаривайте.

— Не скажу, потому что я её сама пока не сформулировала, — уточнила она. — А когда сформулирую, скажу первому вам. Спите, Тобиас, завтра ветер сменится.

Ветер назавтра и правда сменился.

И я до сих пор не знал, откуда она это взяла.

* * *

Четвёртый день был хуже всех, потому что ветер сменил направление.

Он стал бить в лицо, и корка перестала ломаться под подошвой. За ночьросло, и мы прошли двенадцать вёрст вместо двадцати.

К ночи Гуш взял у Иларии второй сундук, а у меня мешок с Кешей, и понёс всё сам.

— Гуш, я справляюсь.

— Вы справляетесь, — согласился он, не отдавая. — Только медленно.

Реннел, не спорь, — распорядился Кеша из мешка. — У него плечи, у тебя гордость. Плечи полезнее.

* * *

На седьмой день мы прошли перевал.

Это не был перевал в горном смысле: ни скал, ни ущелья. Просто равнина поднималась, поднималась и на протяжении версты шла в гору так, что дышать становилось тяжело, а потом так же полого опускалась.

Наверху лежал камень.

Не порталный — обычный, гранитный валун в рост человека, и на нём были высечены знаки. Много, в несколько слоёв, поверх друг друга.

Ойраг, поравнявшись с камнем, тронул его ладонью, не останавливаясь.

Мерт тоже.

— Ксаверий, что это?

Счёт,— отозвался дракон. — Реннел, каждый, кто проходит перевал первый раз в жизни, ставит зарубку. Не имя, не дату — просто черту.

— А зачем её ставят?

Незачем, — уточнил Кеша. — Просто так делают четыреста лет.

Я слез с телеги и подошёл.

Знаки шли снизу вверх, и внизу они были стёртые до неразличимости, а сверху свежие, и я стоял и смотрел на четыреста лет чужих зарубок, и на меня оттуда никто не смотрел в ответ.

— Ксаверий, а мне можно?

Тебе не запрещено,— отозвался дракон. — Реннел, у них нет правила, что чужому нельзя. У них есть правило, что ставят раз в жизни.

Я не поставил.

Не из скромности. Я просто подумал, что не знаю, что это будет означать, а ставить знак, значения которого не знаешь, плохая привычка для человека, который ведёт четыре журнала.

Илария поставила.

Она подошла, посмотрела и провела ножом черту в четверть ладони, сбоку, где было пусто, и вернулась к телеге, ничего не объяснив.

Ойраг, увидев это, сказал два слова.

Он говорит: теперь она ходила, — перевёл Кеша.

* * *

Кочевье Кайрака стояло в котловине, и я до сих пор не понимаю, как они её нашли: с равнины её не было видно, пока не подойдёшь на полверсты.

Внизу было тише. Ветер шёл поверху, и в котловине висел дым — прямой, столбами, а не рваный, как наверху.

Шатров я насчитал сорок один.

Загонов — четыре, и заняты были два.

И вот тогда, глядя сверху на два пустых загона, я впервые понял по-настоящему, зачем мы шли.

* * *

Кайрак встретил нас у первого шатра.

Он похудел так, что обруч в бороде висел свободно, и с ним было ещё трое, и все трое стояли позади.

Он произнёс длинную фразу.

Он говорит, что дом Кайрака открыт, — перевёл дракон. — И что ты пришёл в дурной год и он этого не забудет.

— Ксаверий, что мне ответить?

Ответь коротко и не благодари. Благодарность здесь означает, что ты считаешь себя обязанным, а обязанным сейчас считает себя он.

Я подумал.

— Скажи, что я пришёл работать и хочу начать сегодня.

Кеша перевёл.

Кайрак выслушал и впервые за всё знакомство улыбнулся — коротко, одними кончиками сухих губ.

Он говорит, что ты говоришь как их человек, — отозвался Кеша. — Реннел, это высокая похвала, и она означает, что тебя сегодня же поведут работать и не дадут отдохнуть.

* * *

Про то, как устроено кочевье, надо сказать отдельно, потому что я полгода потом перedelывал у себя то, что подсмотрел там.

Шатры стоят не кругом и не рядами, а гроздьями по четыре-пять, и в каждой грозди — родня. Между гроздьями проходы шириной в телегу. Пусто в середине котловины и плотно по краям. Это было ровно наоборот тому, как ставят деревни у нас.

Я спросил почему, и ответ оказался хозяйственным.

Ветер, — перевёл Кеша. — Середина котловины. Там садится дым и стоит сырость, а по краям выдувает.

Вода идёт из двух скважин, и обе накрыты — не крышкой, а войлочным колпаком на раме, который снимают, когда черпают. Я сперва решил, что от пыли.

Оказалось, от света.

Он говорит, что открытая вода зеленеет, — доложил дракон. — А накрытая стоит чистой.

Я записал это и потом, вернувшись, накрыл нашу поилку в шестом дворе, и она перестала цвести к июлю, чего за двести лет в Урочище никто не догадался сделать.

Отбросы сносят в одну яму, за пределы котловины, вниз по склону, за место забоя. Это меня удивило больше всего: я ожидал, что кочевники бросают где попало, потому что снимаются с места.

Кайрак объяснил через Кешу, что они с этого места не снимаются вовсе.

Они кочуют летом, — уточнил дракон. — А зимуют тут сорок лет подряд. Реннел, это не кочевье. Это зимняя деревня из шатров.

* * *

Отдохнуть не дали.

Через час после прихода я стоял в первом загоне, и передо мной было девять голов.

Девять из четырнадцати. Пятеро оставшихся ушли с ходкой на дальние разливы и должны были вернуться через неделю.

Я обошёл всех девятих дважды.

Первый раз — молча, ни к кому не приближаясь ближе трёх шагов, просто глядя.

Так меня научили в первый год работы, и это была единственная вещь, которой я научился не из книг: сперва смотри на группу, потом на особь. Больное животное в группе видно по тому, где оно стоит.

Двое стояли в стороне.

Не потому, что их гнали, — я специально смотрел, никто их не гнал. Они сами держались у дальней стенки, и это первый признак того, что зверю плохо: он уходит от своих раньше, чем начинает хромать.

Трое стояли у кормушки и не ели.

Один переступал.

Трое выглядели нормально.

Только после этого я подошёл ближе.

Илария шла следом с записной книжкой и записывала под диктовку.

Первый. Самец, взрослый, состояние удовлетворительное. Аппетит есть. Шерсть-перо тусклая, но целая.

Второй. Самка, взрослая. Худая. Ноздри работают неровно — правая закрывается не до конца.

Третий. Молодой. Дрожь в задних. Стоит, переступая.

Четвёртый и пятый. Здоровые.

Шестой. Самка, стельная. Срок, по словам хозяев, поздний.

Седьмой, восьмой. Худые, вялые, аппетит снижен.

Девятый лежал.

* * *

Я присел над девятым и открылся.

Это было первое "открытие" за долгое время и я к нему готовился. Илария засекала время, как всегда, и встала в трёх шагах.

"Внутри" было плохо.

Жар — я его чувствовал как ровное горячее поле, без очага, разлитое повсюду. Суставы: боль в четырёх, тупая, старая, воспалительная. Слабость, от которой не хочется поднимать голову. И под этим — то самое двойное звучание, только на этот раз оно было не таким, как у беременной копуны.

Оно было неправильным.

Я сел на землю.

— Тобиас, время идёт.

— Погодите немного.

— Тобиас, две минуты сорок.

— Погодите, Илария, я не понял.

Она замолчала.

Я открылся снова и слушал, наверное, с полминуты.

А потом убрал руки и сказал вслух то, чего никак не ожидал сказать.

— Он стельный, — выговорил я не веря своим собственным же словам.

Илария опустила часы.

— Девятый у нас самец, — напомнила она.

— Я знаю, что самец, — согласился я. — Я именно поэтому и сел.

— Тогда что вы слышали?

— Двойное, — отозвался я. — Как у беременной. Только тише и без формы.

Илария очень медленно села на корточки рядом.

— Тобиас, — заговорила она. — У беременной вы слышите второе живое. А тут?

— А тут второе живое, — подтвердил я. — Но оно не растёт. Оно просто есть.

Мы посмотрели друг на друга.

— Илария, скажите мне как врач, — попросил я. — Что бывает внутри самца, что звучит как второе живое существо?

Она молчала долго.

— Паразит, — выговорила она наконец.

* * *

Кеша всё это время сидел на ограде загона и не вмешивался.

Реннел, — заговорил он, когда мы поднялись. — *Прежде чем ты начнёшь строить свои предположения, спроси у них про коров.*

— Про каких коров?

Про восемь. Тех, что привели в августе.

Я даже не сразу понял, о чём он.

За пять дней пути и за час работы я успел забыть, зачем сюда шёл.

— Ксаверий, ты прав, — признал я. — Спроси, где коровы.

Дракон спросил Кайрака.

Кайрак ответил и махнул рукой в сторону второго загона, и по этому жесту — небрежному, будто речь о вещи, о которой не думают, я уже понял, что услышу.

Он говорит, коровы там, — перевёл Кеша.

— Все восемь там стоят?

Все восемь.

— И все восемь живые?

Живые, — подтвердил Ксаверий Аргентум Третий. — *И, по его словам, за всё это время не заболела ни одна.*

* * *

Пока шли ко второму загону, я успел выстроить в голове три объяснения и все три забраковать.

Первое. Коровы больны, но течение у них скрытое. Возможно — но четыре месяца скрытого течения при контакте с больным скотом каждый день? Не бывает.

Второе. Коровы переболели до прихода и остались носителями. Тоже возможно, и это был бы лучший исход: носителя видно по крови, а кровь я умею смотреть даже без микроскопа, потому что научился в питомнике смотреть мазок на глаз и различать три вещи из десяти.

Третье. Коровы вообще ни при чём, а совпадение по времени случайное.

Третье мне не нравилось больше всех, потому что оно означало, что я четыре дня шёл по соляной степи за неправильным ответом.

— Илария, у меня к вам просьба.

— Слушаю вашу просьбу.

— Когда я буду их смотреть, не подсказывайте мне, — попросил я. — Даже если увидите раньше.

— А почему не подсказывать?

— Потому что я хочу сделать сначала свое заключение, а не ваше, — пояснил я. — А потом мы сравним. Если сойдётся — это будет что-то значить.

Илария кивнула и убрала руки за спину — жест, которого я у неё раньше не видел и который, как выяснилось потом, означало мол «мои руки связаны».

* * *

Мы пошли смотреть коров.

Они стояли во втором загоне, восемь голов, обычные бурые коровы, каких у нас в Овеське полсотни, и выглядели они лучше, чем всё живое, что я видел в этой котловине за последний час.

Две — с телятами. Те самые стельные, отелившиеся, судя по возрасту телят, в октябре.

Я обошёл их и открылся на третьей.

Ничего.

Здоровая корова. Слегка недокормленная зимой, с намином на левом боку от лежания на мёрзлом, и никакого жара, никаких суставов, ни единого следа того самого, что я почувствовал в верблюдах, которые вовсе ими не являлись.

Я обошёл всех восемь.

Ни у одной.

* * *

Пока я обходил коров, Илария работала со мной параллельно и молчала, как обещала.

Она осмотрела всех восьмерых руками — вымя, зубы, глаза, шерсть на боках — и записала своё, не показывая мне.

Мы сверились потом, за оградой.

Совпало почти всё.

У меня: здоровы, недокорм умеренный, у третьей намин на левом боку, у пятой стёртые резцы, возраст старше заявленного.

У неё: здоровы, недокорм, у третьей намин, у пятой резцы, и, кроме того, — у второй и седьмой копыта отросли и не стёсаны.

— Копыта я упустил.

— Вы их не упустили, вы на них не смотрели, — не согласилась Илария. — Тобиас, вы слушаете изнутри. Копыто изнутри не звучит.

— И что копыта говорят?

— Что этих коров четыре месяца никто не гонял, — отозвалась она. — Копыто стирается на ходу. Тут они стоят в загоне и ходят двадцать шагов до воды.

Я записал.

— Илария, а до августа?

— А до августа их гнали через перевал четыре дня, — уточнила она. — И вот до августа копыта были в порядке, иначе они бы туда не дошли.

* * *

Илария стояла у ограды и ждала, пока я закончу.

— Ну? — потребовала она, когда я подошёл.

— Восемь здоровых коров, — отозвался я. — Илария, я сейчас скажу вещь, которая нам обоим не понравится.

— Говорите, я готова.

— У молочной трясы коровы болеют, — выговорил я. — Тяжело и первыми. Они источник и они же жертва. Коровы, которые заражают всё вокруг и сами не болеют четыре месяца, — это не молочная тряса.

Илария долго смотрела на восемь бурых спин за оградой.

— Тогда это не она, — согласилась она. — И мы с вами приехали лечить не то, — договорила Илария тен Овеск. — За четыре дня по соляной степи, с двумя сундуками, зимой.

Я тяжело вздохнул.

Она помолчала.

— Тобиас, а вы понимаете, что это значит?

— Что мы не знаем, чем они больны, — ответил и я между нами вновь повисла неуютная тишина.

Глава 4

Первые двое суток я не лечил. Я составлял карту.

Это, кажется, разочаровало всех, включая Иларию, но иначе я работать не умею: пока не знаешь, что где стояло и кто с кем соприкасался, лечение — это гадание с сундуком снадобий.

Карту чертил на обороте реестра проходящих, потому что другой бумаги такого размера у меня не было.

Котловина. Сорок один шатёр, четыре загона, два колодца-скважины с рапой, одна яма для отбросов, одно место для забоя — на северном краю, ниже по склону, что говорило о том, что устройство кочевья продумано не вчера.

Загон первый. Верблюды, девять голов. Стоит здесь с прошлой весны.

Загон второй. Коровы, восемь голов плюс два телёнка. Занят с августа. До августа пустовал два года.

Загон третий и четвёртый. Пустые. В третьем до октября стояли те, что пали.

Я обошёл все четыре по периметру, считая шаги, и записал расстояния.

От первого до второго — сорок два шага.

* * *

— Ксаверий, спроси, почему коров поставили именно во второй.

Кайрак ответил охотно и длинно.

Он говорит, второй ближе к воде, — перевёл дракон. — А коровы, по их наблюдению, пьют втрое против верблюда и капризны к воде.

— И что, правда пьют втрое?

Понятия не имею. Реннел, я дракон, а не пастух.

— Илария, вы что скажете?

— Правда пьют, — подтвердила она, не отрываясь от записей. — Корова на зимнем сухом корме выпивает ведёр шесть. Тут, при соли, может и больше.

Я записал: «Коровы во втором загоне из-за близости к воде. Решение хозяйственное, объяснимое».

И приписал: «Кто предложил?»

* * *

Вопрос про то, кто предложил, я задал на третий день и получил ответ, которого не ждал.

Он говорит, что предложил торговец, — перевёл Кеша.

Я отложил перо.

— Тот самый, который привёл коров?

Тот самый.

— Ксаверий, спроси, что ещё он им посоветовал.

Кайрак задумался. Потом стал перечислять, и перечислял он долго, загибая пальцы, и Кеша едва успевал.

Поставить коров ближе к воде, — перечислял дракон. — Дойть дважды, а не трижды, потому что зимой у коровы падает удой и трёхразовая дойка её изматывает. Не пускать коров и верблюдов в один загон, потому что верблюды бодают рогатых. И...

Он остановился.

— И что там дальше?

И брать соль для лизунца с ближнего разлива, а не с дальнего, — договорил Ксаверий Аргентум Третий. — Потому что коровам нужно втрое больше соли, чем верблюдам, а дальний разлив в двух днях пути.

Я очень медленно положил перо на стол.

— Ксаверий, спроси, когда они перешли на ближний разлив.

В августе. Сразу.

— И берут оттуда соль для всех?

Для всех. Отдельно возить смысла нет.

— Включая верблюдов.

Включая верблюдов, — подтвердил дракон.

Илария подняла голову.

— Тобиас, вы сейчас как-то нехорошо выглядите.

— Илария, у меня в голове сложилось, и мне это не нравится, — отозвался я. — Потому что оно сложилось слишком красиво, а красивое обычно неверно.

— Тогда изложите, и мы его вместе испортим.

— Пока не изложу, — не согласился я. — Сначала мне нужен павший.

* * *

Пока я чертил карту, Илария работала.

Это надо оговорить отдельно, потому что иначе выйдет, будто мы двое суток ходили с блокнотами, пока вокруг умирал скот.

Она делала то, что умела и что помогало наверняка.

Первое. Отделила троих худших в четвёртый загон. Не потому, что это лечит, — потому что здоровые перестали их толкать от кормушки, и худшие впервые за месяц наелись.

Второе. Заставила менять подстилку ежедневно. На третий день это перестало вызывать споры, потому что запах в первом загоне изменился, и заметили все.

Третье. Показала двум женщинам, как поить больного через рожок, когда он не встаёт. Показывала руками, без языка, и обе поняли с четвёртого раза.

Четвёртое. Вправила вывих Мертову сыну, который упал с загородки, и вот это, я думаю, сделало для нашего положения в кочевье больше, чем всё остальное вместе взятое.

К вечеру второго дня к её шатру стояла очередь.

Люди приходили с чем угодно: с зубами, с нарывами, с застарелыми спинами, с ребёнком, который не говорил в четыре года. Она принимала всех, и Кеша к ней переводить не поспевал, потому что был при мне.

— Илария, вам нужен дракон?

— Мне нужны руки, а не дракон, — отозвалась она, не разгибаясь. — Тобиас, идите чертить свою карту. Я тут разберусь.

— Вы половину не поймёте.

— Половину я и дома не понимаю, — не согласилась Илария. — Мужики в Овеське говорят по-нашему, а объясняют так же: «болит тут, а началось не с этого». Идите.

* * *

На третий день я наткнулся на то, чего в моей карте быть не могло.

Я обходил четвёртый загон — пустой, стоявший без дела с осени, — и на его дальнем краю обнаружил кострище.

Не очаг. Кострище: круг обгорелой земли шагов полутора, обложенный камнями, и камни были закопчены изнутри.

Я позвал Кайрака.

Он посмотрел и ответил односложно, и Кеша перевёл так же коротко.

Он говорит: жгли.

— А что именно жгли?

Он не отвечает.

— Ксаверий, спроси иначе. Спроси, когда жгли.

Дракон спросил.

В октябре, — перевёл Кеша. — *Реннел, он отвечает, но неохотно, и я тебе советую не давить, а зайти с другой стороны.*

* * *

С другой стороны я зашёл через Тегиша.

Он к тому времени уже ходил и был моим единственным собеседником, который знал обе стороны: у нас он прожил долго, здесь родился.

— Ксаверий, спроси у Тегиша, что жгли в четвёртом загоне.

Тегиш ответил сразу и без всякой неохоты.

Он говорит: сбрую, — перевёл дракон. — Сбрую и попоны тех верблюдов, что пали первыми.

— А зачем её было жечь?

Затем, что старики велели, — отозвался Кеша. — Реннел, он говорит, что в кочевье есть старухи, которые помнят, как жгли при их бабках, и они сказали жечь, и сожгли.

Я сел на землю у этого кострища.

— Ксаверий, спроси, помогло ли.

Он говорит: нет.

— Спроси, почему тогда жгли.

Тегиш ответил длинно, и Кеша переводил медленно.

Он говорит, что жечь велели старухи, а они всегда велят жечь, — доложил дракон. — И что помогает это редко, а не помогает часто, но если не сжечь и скот продолжит и дальше болеть, то виноваты будут те, кто не сжёг.

* * *

Я записал это в блокнот и потом пересчитывал раз двадцать.

«Сожгли сбрую павших по совету старух. Не помогло. Причина сожжения — не медицинская, а та, что при продолжении мора виноваты будут не сжёгшие».

И приписал ниже:

«Это ровно то же, что делает Крич, когда просит поставить дату. И то же, что делаю я, когда веду журнал. Мы все боимся от будущего обвинения. Разница только в том, работает ли то, чем боимся».

Илария, прочитав, поправила меня в одном.

— Тобиас, сбрую сжечь было правильно.

— Илария, это не помогло.

— Это не помогло от их болезни, — не согласилась она. — А от десятка других помогло бы. Тобиас, старухи не знают, что за болезнь. Они знают, что от заразы жгут ветошь, и это правда в девяти случаях из десяти.

— А тут был десятый.

— А тут был десятый, — подтвердила Илария. — И это не делает их дурами. Это делает их людьми, которые применили верное правило к неверному случаю.

* * *

Про павшего разговор был тяжёлый и занял вечер.

Кайрак выслушал меня через Кешу, помолчал и ответил одним словом.

Он отвечает «нет», — перевёл дракон.

— Ксаверий, объясни ему, зачем мне это нужно.

Я объяснил трижды, Реннел. Он понимает зачем. Он отвечает «нет».

— Тогда спроси, почему нельзя.

Кайрак ответил длинно и, судя по интонации, неохотно.

Потому что павший принадлежит степи, — перевёл Кеша. — Он говорит: когда зверь пал, он уже не ваш. Взять его обратно — всё равно что взять обратно подарок.

Я сидел в шатре и думал.

— Ксаверий, скажи ему следующее, — заговорил я наконец. — Скажи, что я не собираюсь брать павшего обратно. Я собираюсь спросить у него, отчего он пал, и после этого отдать степи всё до последнего.

Дракон перевёл.

Кайрак долго молчал.

Потом произнёс короткую фразу, и Кеша, переводя, впервые за всю поездку помедлил.

Он говорит: спрашивай, но спрашивай ночью и один, — отозвался дракон. — И он говорит, что если ты найдёшь ответ, то он у тебя его не спросит.

— А почему не спросит?

Потому что не хочет знать, — перевёл Ксаверий Аргентум Третий. — Реннел, это не глупость. Он старший в кочевье. Если он узнает и не сможет ничего сделать, ему с этим жить при сорока одном шатре.

* * *

Пал он в ту же ночь — четвёртый по моему списку, из тех, что я записал здоровыми.

За сутки.

Это было первое, что меня по-настоящему испугало: я осматривал его позавчера и не услышал ничего. Ни жара, ни двойного, ни воспаления. Здоровое животное.

И он лёг вечером и не встал.

Я работал с полуночи до четырёх, при трёх фонарях, за загонами, на расстеленной коже, и мне светил Гуш, потому что Кайрак сказал «один», а Гуш, как выяснилось, у них за человека не считался — он считался за зверя барона, и это оказалось удобно.

Илария стояла в двадцати шагах, за пределами круга света, и я диктовал ей вслух.

Она не подходила ни разу.

* * *

Я не буду описывать вскрытие подробно.

Скажу то, что важно.

Внешне. Истощение умеренное. Шерсть-перо целая. Подошвы стёрты сильнее, чем должны быть при стойловом содержании, — значит, он много переступал, и это сходится с тем, что я видел у третьего.

Суставы. Четыре из шести крупных изменены. Полость расширена, жидкость мутная, на внутренней поверхности — узелки. Плотные, белесые, размером с просяное зерно. Я насчитал в одном суставе сорок с чем-то и бросил считать.

Мышцы. То же самое. По ходу волокон, гнёздами.

Сердце. Чисто.

Кишечник. Чисто.

Я взял узелок пинцетом, положил на кожу и разрезал.

Внутри было что-то живое.

* * *

— Илария, подойдите ко мне.

Она подошла — двадцать шагов уложила в четыре секунды, я слышал.

Я протянул ей пинцет.

Она смотрела на разрезанный узелок, наверное, полминуты.

— Это циста, — определила она наконец.

— Значит, всё-таки циста.

— Тобиас, я такое видела у свиней, — продолжила Илария, не поднимая глаз. — И у одного человека, которого привезли из Кальцов и который умер до моего приезда. Это личиночная стадия. Взрослый червь живёт в другом хозяине, а сюда попадает личинка и садится в мышцу.

— В другом хозяине, — повторил я.

— В другом, — подтвердила она. — Тобиас, у паразитов почти всегда так: один хозяин для взрослого, другой для личинки, и они ходят по кругу.

Я сел прямо на кожу, рядом с раскрытым животным, и уставился в темноту.

— Илария, что тут ест то, что тут умирает?

Она поняла раньше, чем я договорил.

* * *

Спал я в ту ночь два часа и проснулся от того, что не мог перестать считать.

Считал я вот что.

Двадцать шесть павших за три месяца. Если черви съедают тушу за месяц — значит, к декабрю в ближнем разливе оказалось двадцать шесть туш, переработанных подчистую.

Сколько червей нужно, чтобы съесть верблюда весом в двадцать пудов?

Я не знал.

Я не знал их веса, скорости роста, плотности заселения корки — ничего. Я знал только то, что слышал ухом: скребёт везде.

И вот тут я понял, чего мне не хватает, и это оказалось смешным.

Мне не хватало ведра.

* * *

Ведро я взял у Мерта, лом у Гуша и с рассветом отошёл на двести шагов от кочевья, в сторону от разлива, туда, где, по моим прикидкам, корка была нетронутой.

Вырубил квадрат в аршин.

Перебрал руками, всю выбранную соль, до материка.

Одиннадцать червей.

Потом отошёл на полверсты к северу, к ближнему разливу, и вырубил такой же квадрат. Сорок четыре.

* * *

Илария нашла меня там же к полудню, с четвёртым квадратом.

— Тобиас, что вы делаете?

— Считаю плотность.

— И вы этим третий час заняты?

— Четвёртый, — уточнил я, не разгибаясь. — Илария, у меня по четырём пробам выходит: у кочевья одиннадцать на аршин, у разлива сорок четыре, между ними двадцать и двадцать шесть.

Она присела рядом.

— И что это даёт?

— Это даёт карту, — отозвался я. — Илария, они не расселены равномерно. Их вчетверо больше там, где сто лет лежали туши. Значит, они привязаны к корму, а не к соли.

— А это мы и так знали.

— Знали предположительно, — не согласился я. — А теперь у меня четыре цифры, и я могу написать их в отчёте, и человек, который его прочтёт через двадцать лет, сможет проверить.

Илария посмотрела на меня очень внимательно.

— Тобиас, вы сейчас копаете соль на морозе четвёртый час ради человека, который прочтёт это через двадцать лет.

— Именно ради него и копаю.

— И вам не приходило в голову, что его может не быть?

— Приходило, — согласился я. — Илария, мой прапрадед двадцать пять лет писал отчёты, которые никто не принимал. Я про это узнаю только через год, но, кажется, это у нас семейное.

* * *

Червя мы добыли на рассвете.

Это оказалось до отвращения просто: Гуш взял лом, отошёл на двести шагов от кочевья, вскрыл корку на пядь и через минуту принёс мне трёх штук в перевёрнутой шапке.

Они были белые, слепые, в локоть длиной, и двигались медленно, как двигается всё, что живёт в темноте и никуда не торопится.

Я вскрыл первого.

Илария вскрыла второго.

Мы почти не разговаривали двадцать минут.

— У меня есть, — доложила она первой.

— Где именно у вас?

— В стенке кишки. Много.

Она отодвинулась, освобождая мне место.

— Тобиас, это взрослые. Смотрите: у них уже яйца.

Я посмотрел.

Паразиты действительно были взрослыми.

* * *

Мы сидели на соляной корке при трёх догорающих фонарях, и над степью светало — тускло, серо, как всё там светало.

— Значит, круг такой, — заговорил я. — Верблюд пал. Его съели черви. В червях паразит созрел. Черви живут в корке. А дальше?

— А дальше верблюд должен съесть червя, — отозвалась Илария. — А он его не ест.

— Не ест, — согласился я. — Верблюд ест сухой корм, которым его кормят, и пьёт рапу из скважины.

— И лижет соль, — договорила она.

Я замер.

— Илария, повторите.

— Соль-лизунец, — уточнила она очень ровно. — Которую с августа рубят на ближнем разливе. Тобиас, а вы у них спрашивали, что такое ближний разлив?

— Не спрашивал ни разу.

— Так спросите, — велела Илария тен Овеск. — И я почти уверена, что ближний — это тот, который ближе к кочевью. А ближе к кочевью — это там, куда сто лет относили павший скот.

* * *

Кайрак подтвердил всё за две минуты.

Ближний разлив лежал в полуверсте к северу от котловины, ниже по склону, и именно туда сто лет уносили павших, потому что оттуда не тянет к шатрам.

Дальний — в двух днях пути. Чистый. Ничего, кроме соли.

Соль оттуда возили сто лет, и это было неудобно, и все сто лет об этом ворчали.

Он говорит, что ворчали каждый год, — перевёл Кеша. — И что каждый год кто-нибудь предлагал брать с ближнего, и каждый год старшие отвечали, что нельзя.

— А почему нельзя, они объясняли?

Он не знает, — отозвался дракон. — Он говорит: старшие говорили «нельзя», и всё.

Я закрыл глаза.

— Ксаверий, спроси, кто у них сейчас старший.

Он и есть старший. Два года как.

— А кто был до него?

До него был его дядя. Умер позапрошлой зимой.

* * *

Кайрак не спросил.

Он сдержал слово буквально: за все дни, что мы там пробыли, он ни разу не задал мне вопроса о том, что я нашёл ночью за загонами.

Он спрашивал о другом.

Он спрашивал, сколько соли брать на голову. Сколько дней держать отдельно. Можно ли класть подстилку из старой, если новой нет. Он спрашивал как хозяин — про то, что делать, — и ни разу про то, отчего.

На четвёртый день я не выдержал.

— Ксаверий, скажи ему, что я всё-таки нашёл ответ.

Реннел, он просил не говорить.

— Он просил не спрашивать, — уточнил я. — Это разное.

Дракон помолчал.

Это, — заметил он. — Крючкотворство того сорта, которым ты выиграл прошлую осень. Хорошо, переведу.

Кайрак выслушал.

Потом сел на корточки — прямо там, где стоял, на соляной корке у входа в шатёр, — и просидел так довольно долго.

Затем произнёс одну фразу.

Он спрашивает: скольких можно спасти?— перевёл Кеша.

Я подумал.

Считать было нечего: я считал это третьи сутки.

— Скажи ему честно, — распорядился я. — Из девяти в первом загоне четверо здоровы. Трёх я, может быть, вытяну, если они дотянут до весны. Двое не дотянут.

Дракон перевёл.

Кайрак кивнул и спросил ещё раз.

Он спрашивает: а из тех пятерых, что ушли на дальние разливы?

— Скажи, что вот эти пятеро — вся его надежда, — отозвался я. — Они ушли в ноябре. Если они ушли до того, как им начали давать соль с ближнего, они чистые.

Кайрак поднялся.

И впервые за все дни задал вопрос сам, без предисловия, и Кеша перевёл его коротко.

Он спрашивает: степь можно вылечить?

Я стоял на ветру и очень долго не знал, что ответить.

— Нет, — выговорил я наконец. — Степь вылечить нельзя. Можно перестать её кормить.

* * *

Я вышел из шатра и постоял на ветру.

Илария вышла следом.

— Тобиас, скажите вслух, — потребовала она. — Мне нужно услышать это не в своей голове.

— Хорошо, слушайте, — согласился я. — Сто лет они возили соль за два дня пути и не знали почему. Знали старшие. Старшие говорили «нельзя» и не объясняли — может, сами уже не помнили, а может, объяснять было нечего: «нельзя» держалось двести лет и работало.

— Что было дальше?

— Позапрошлой зимой умер тот, кто говорил «нельзя», — продолжил я. — А в августе пришёл человек с восемью коровами и посоветовал брать соль с ближнего.

Илария молчала.

— И совет был хороший, — договорил я. — Разумный, хозяйственный, экономящий четыре дня пути в месяц. Его бы приняли и без коров, рано или поздно. Коровы просто дали повод.

— Тобиас, вы понимаете, что вы сейчас сказали?

— Что коровы, выходит, ни при чём.

— Хуже, — не согласилась Илария. — Что человек, который это посоветовал, мог ничего не знать. Совет-то правда разумный.

* * *

Мы стояли на краю котловины, и снизу тянуло дымом, и в первом загоне переступали девять верблюдов, из которых, по моим прикидкам, было здорово четверо.

— Илария, есть один способ проверить.

— И какой же это способ?

— Узнать, что этот человек сказал ещё в двух местах, — отозвался я. — Если он ходит по кочевьям и всем раздаёт хозяйственные советы — он торговец, и мы с вами дураки.

— А если не всем раздаёт?

— А если он пришёл сюда один раз, дал ровно один совет и больше не появлялся, — договорил я. — То он знал, что говорит.

Илария подтянула повыше воротник.

— И как вы это узнаете? — уточнила она. — Тобиас, мы в четырёх днях от тропы, в степи, где нет ни одной записи ни о чём.

Я подумал.

— Записей у них нет, — согласился я. — Зато есть память, и она у них лучше нашей, потому что записывать нечем.

* * *

Вопрос я потратил в тот же вечер, при всех.

Так было надо: у них сделка, заключённая при двоих, стоит меньше, чем сделка, о которой знает шатёр, и Кеша меня об этом предупредил ещё в декабре.

Кайрак выслушал напоминание — про четыре тюка, про прощённую долю, про ответ на один любой вопрос в любой день — и кивнул раньше, чем дракон договорил.

Он помнит, — перевёл Кеша. — Он говорит, что помнил об этом каждый день с декабря и что ему было беспокойно.

— Скажи, что мне жаль, что я так долго тянул.

Не говори этого. Для него твоя задержка означала, что ты не мелочен.

Я подумал и не сказал.

— Ксаверий. Вопрос такой.

Слушаю.

— Тот человек, который привёл коров. Он приходил к соседям?

Дракон перевёл.

В шатре стало очень тихо.

Кайрак ответил не сразу. Сначала он обернулся к сидевшим у стены — их было человек восемь, старшие семей, — и что-то спросил у них. Ему ответили двое, потом третий, потом заговорили все разом, и Кеша перестал переводить и просто слушал.

Это длилось минут пять.

Потом Кайрак поднял руку, и стало тихо, и он произнёс ответ.

Он говорит: нет, — перевёл дракон. — Кочевий на этой стороне перевала семь. Их старшие видятся дважды в год, на осеннем и весеннем сходе. На осеннем сходе спрашивали друг друга про торговцев, потому что год был скверный. Ни в одно другое кочевье он не приходил.

— Ксаверий, уточни: он приходил только к ним, или его нигде больше не видели?

Кеша уточнил.

Его нигде больше не видели, — отозвался дракон. — Ни один человек на этой стороне перевала, кроме людей Кайрака, его в глаза не видел.

* * *

Я сидел на кошке в шатре, полным людей, которые смотрели на меня, и складывал.

Человек пришёл в одно кочевье из семи.

Привёл восемь коров, отменно здоровых, две стельные — то есть отдал вещь, которая стоит дорого и заведомо дороже того, что мог взять взамен, потому что взял он, по словам Кайрака, шерсть и соль по обычной цене.

Дал четыре совета. Три безобидных и правильных. Четвёртый отменил запрет, который держался сто лет и который был единственной защитой этого кочевья от того, что лежит у них под ногами.

И больше не появился.

— Ксаверий, ты это слышишь?

Я всё слышу и всё складываю параллельно с тобой, — отозвался он. — *И у меня получается то же самое.*

— Скажи это вслух, — попросил я. — Мне нужно, чтобы это сказал не я.

Дракон помолчал.

Кто-то, — выговорил Ксаверий Аргентум Третий. — Очень дорого заплатил за то, чтобы твоя тропа перестала приносить пошлину.

* * *

Я вышел из шатра последним.

Снаружи было темно и шёл ветер, и Илария стояла в трёх шагах, дожидаясь. Она внутрь не заходила, потому что при таком разговоре женщины у них не сидят, и она это выяснила на второй день и приняла без единого слова.

— Ну? — потребовала она.

— Ни в одно из семи кочевий, кроме этого, — отозвался я.

Илария помолчала.

— Тобиас, я хочу вам напомнить одну вещь, — заговорила она наконец. — Про третью причину, по которой я поехала.

— Вы сказали, что не сформулировали.

— Я сформулировала, — уточнила Илария тен Овеск. — Вот сейчас, пока вас ждала.

— Так говорите, я слушаю.

— Я поехала, потому что если бы вы поехали один и всё это выяснили один, — отозвалась она. — То вам не с кем было бы это проверить. И вы бы через месяц решили, что вам показалось.

Она пошла к шатру.

— Тобиас, и вот ещё что. Вам не показалось, — договорила Илария и откинула полог.

Глава 5

План я писал два дня и переписывал четыре раза, потому что первые три были планами для Урочища, а не для кочевья.

В Урочище я хозяин. Я говорю «ставим карантинный двор» — и Гуш ставит.

Здесь хозяев не было вовсе.

Кайрак был старшим, и я две недели считал, что это то же самое, а на пятнадцатый день выяснил, что старший у них — тот, кто говорит первым и отвечает за сказанное, а не тот, кому подчиняются.

Он может велеть, — объяснял мне Кеша. — И ему не откажут в лицо. И половина сделает по-своему, а он будет знать и промолчит, потому что если он станет проверять, он перестанет быть старшим и станет надсмотрщиком.

— И что тогда с ним будет?

Ничего особенного. Просто через год старшим будет другой.

* * *

Итоговый план вышел на четырёх пунктах.

Первый. Соль — только с дальнего разлива. Все четыре дня пути, как это было двести лет и до этого. Это возвращение к тому, что было, и потому самый лёгкий пункт: людям не нужно делать что-то новое, им вернуться к тому как было раньше.

Второй. Павших не относить на разлив. Ни на ближний, ни на дальний. Увозить в противоположную сторону, за десять вёрст, к сухим западным грядам, где корка тонкая и червя мало.

Третий. Больных не забивать.

Вот тут я споткнулся сам о себя.

— Илария, посмотрите третий пункт.

Она посмотрела и подняла голову.

— Тобиас, вы уверены?

— Проверьте меня, — попросил я. — Я третий день боюсь, что ошибся, потому что мне очень хочется, чтобы это было так.

— Излагайте, я проверю.

— Личинка сидит в мышце и в суставе, — начал я, водя пером по строке. — Она там не размножается. Она ждёт, когда её съедят. Больной верблюд не выделяет ничего: ни с молоком, ни с навозом, ни с дыханием — ему нечем выделять, у него внутри тупик.

— Пока не размножается, — уточнила она.

— Пока он жив, — согласился я. — Он становится опасен только когда падёт и его съедят черви. А если павшего увозить за десять вёрст, то он не опасен и мёртвый.

Илария молчала.

— То есть, — заговорила она наконец. — Забивать не надо.

— Забивать не надо вовсе.

— Тобиас, я две недели назад сказала вам, что это останавливают только забоем.

— Вы сказали это про молочную трясу, — напомнил я. — А это не она.

Она положила ладони на стол.

— Знаете, что самое унижительное? — уточнила Илария. — Что я это знала. Я знаю про цисты, я их видала у свиней. Я просто в ту минуту думала не про то.

* * *

Четвёртый пункт был единственным, который я не мог обеспечить.

Разлив общий.

Ближний разлив — в полуверсте от котловины Кайрака, и это его земля по обычаю. Но павших туда сто лет носили все семь кочевий, потому что это ближайшее к перевалу место, где корка толстая.

Значит, если Кайрак перестанет носить, а шесть остальных продолжают — черви в ближнем разливе никуда не денутся. И через год, когда очередной старший умрёт, а очередной хозяйственный человек посоветует не гонять телеги за два дня, всё повторится.

— Ксаверий, спроси, когда весенний сход.

В начале марта.

— Сколько до него?

Тридцать один день.

— А раньше собраться можно?

Можно, — отозвался дракон. — Внеочередной сход собирают трижды: война, мор и раздел воды. У вас мор, так что формально они в своём праве.

— И в чём тут подвох?

В том, что собравший внеочередной сход отвечает за него, — пояснил Ксаверий Аргентум Третий. — Если шестеро приехали за четыре дня по зиме и решили, что дело того не стоило, то тот, кто их собрал, платит им за дорогу. И это, Реннел, не деньги. Это доля с будущего.

* * *

Кайрак согласился собирать сход в тот же вечер, и я до сих пор не знаю, чего это ему стоило.

Он выслушал все четыре пункта, задал три вопроса — все три хозяйственные, про телеги, про сроки и про то, кто повезёт павших, — и на четвёртом пункте кивнул.

Он говорит, что соберёт, — перевёл Кеша.

— Ксаверий, спроси, понимает ли он, чем рискует.

Не спрашивай этого.

— А почему не спрашивать?

Потому что он старший, — отозвался дракон. — Ты сейчас спросишь его при своих людях, понимает ли он последствия собственного решения. Реннел, это оскорбление, и в вашем языке оно тоже оскорбление, просто у вас к нему привыкли.

Я не спросил.

* * *

Прежде чем отправлять гонцов, я четыре вечера просидел с Кайраком, и это были самые полезные четыре вечера всей поездки.

Он объяснял мне, как устроен сход.

Не порядок — порядок я выучил за час. Он объяснял, чего нельзя.

Нельзя приезжать со своим человеком, который говорит. Старший говорит сам. Если за него говорит другой, значит, он не старший.

— Ксаверий, а я тогда кто?

Ты никто, — отозвался дракон. — Реннел, ты не старший, у тебя нет кочевья. Ты будешь сидеть сбоку, там где сажают того, кто говорит, но не решает.

— И меня будут слушать?

Тебя будут слушать ровно столько, сколько ты будешь говорить по делу, — уточнил Кеша. — И перестанут в ту секунду, когда ты начнёшь говорить о себе.

Нельзя приносить дары. Совсем. Приезжающие на сход не привозят ничего, включая еду, и кормит их тот, кто сход собрал, — за свой счёт.

Это, как я потом посчитал, обошлось Кайраку в двух баранов и шесть дней работы двух женщин.

Нельзя выходить из шатра, пока говорят. Если вышел — считается, что тебе безразлично.

Я по этому поводу задал единственный практический вопрос, и Кайрак на него ответил, не поведя бровью.

Он говорит: терпят, — перевёл Кеша. — И что если совсем немогут, то встают и выходят, и это ничего не значит, потому что все понимают.

— Ксаверий, ты же сказал, что это значит безразличие.

Он уточнил, — не согласился дракон. — Безразличие — это выйти и не вернуться. А выйти и вернуться — это выйти и вернуться. Реннел, у них тут вообще всё держится на том, что люди понимают друг друга без правил.

* * *

Гонцов отправили назавтра, шестерых, по одному в каждое кочевье.

Ждали девять дней.

Это были самые тяжёлые девять дней всей поездки, потому что делать было нечего: план написан, соль уже возили с дальнего, павших уже увозили на запад, а остальное зависело от шести человек, которых я в глаза не видел.

Я заполнял время работой.

Осмотрел всех девятих заново и завёл на каждого лист — с весом на глаз, с описанием походки, с перечнем изменённых суставов. Илария принимала людей. Гуш вырубил во втором загоне вторую кормушку, потому что коровы толкались, и это заметил он, а не я.

Кеша к концу третьего дня объявил, что переводить с утра до ночи для него неестественно и что он требует два часа тишины в сутки.

Он их получил.

Тегишевы уроки, кстати, начали работать. К девятому дню я знал слов сто пятьдесят, из них двадцать — на память, а остальные узнавал, когда слышал. Илария знала вдвое больше и уже могла общаться без Кеша, если разговор был не сложным.

* * *

На седьмой день ожидания ко мне пришёл Тегиш.

Он к тому времени вернулся домой — кочевье было его, шатёр его, и семья: жена и трое, из которых старшему было лет двенадцать.

Он пришёл с сыном и поставил его передо мной.

Потом произнёс несколько слов, и Кеша перевёл не сразу.

Он предлагает тебе мальчика, — отозвался дракон.

— В каком смысле предлагает?

В прямом. В работу, на твою сторону, на четыре года. Это у них называется «отдать в науку» и считается высокой сделкой.

Я посмотрел на мальчишку.

Он стоял очень прямо, смотрел мимо меня и был явно перепуган до полусмерти.

— Ксаверий, спроси, зачем.

Тегиш ответил длинно.

Он говорит, что у него нет пальцев на правой руке и трети стопы, — перевёл Кеша. — Он говорит, что зимой понял: он больше не погонщик и что кормить троих ему теперь нечем. И он говорит, что ты кормил его четыре месяца и что он не хочет отдавать деньгами, потому что деньги кончаются.

— А мальчика он спрашивал?

Спрашивал, разумеется.

— И что мальчик ему ответил?

Мальчик сказал, что видел дракона, — отозвался Ксаверий. — И что теперь ему в кочевье будет скучно.

— А он обидеться, если я откажусь? — уточнил я.

Разумеется, — не задумываясь ответил дракон.

* * *

Я думал двое суток.

Не над тем, брать или нет. При этом я почти сразу знал, что возьму. Вот только нужно было очень хорошо продумать момент, чтобы это не было покупкой ребёнка, потому что в моей голове это выглядело именно так, а в его — не выглядело вовсе.

Помогла Илария.

— Тобиас, вы опять решаете за них.

— Илария, ему двенадцать.

— Ему двенадцать, и его отец — калека, у которого трое, — не согласилась она. — И у него есть выбор из двух: остаться и через год пасти чужой скот за еду или уехать и выучиться ремеслу. Вы этот выбор не создавали. Он был до вас.

— Мне это не нравится.

— И мне не нравится, — согласилась Илария. — Но нам с вами не обязательно, чтобы нравилось.

Я взял мальчика на четыре года, с оплатой отцу вперёд за первый год, с обязательством вернуть его домой на любом году по его собственному слову.

Последний пункт Кеша переводить отказался.

Реннел, они его не поймут.

— Переведи дословно.

Переведу, но они решат, что ты плохо составляешь договоры.

— Пусть решают что хотят.

Звали его Илмет.

* * *

Ждали девять дней, и на седьмой я чуть не сорвался.

Не от тревоги — от безделья.

Я обошёл всё, что можно обойти, переписал всё, что можно переписать, и к седьмому дню поймал себя на том, что второй час стою у первого загона и смотрю на девять верблюдов, ничего не делая.

Заметил это Гуш.

Он подошёл, встал рядом и постоял со мной минут пять, а потом сказал:

— Господин, пойдёмте копать.

— А что именно копать?

— Всё равно что, — отозвался он. — У них яма под отбросы мелкая. Я мерил, там два аршина, а надо четыре.

— Гуш, я тут не хозяин.

— Так вы спросите, — не согласился он. — Господин, вам надо копать. Я вас третий день смотрю.

Мы копали яму четыре дня, вдвоём, и на третий к нам присоединились двое из кочевья, а на четвёртый ещё трое, и никто ни о чём не спрашивал.

Илария потом сказала, что за эти четыре дня к ней в очередь стало приходить вдвое больше народу.

— Тобиас, они увидели, что вы копаете.

— И что это меняет?

— То, что до этого вы были чужой господин с драконом, — уточнила она. — А теперь вы человек, который копает яму. Тобиас, это работает одинаково везде, и в Овеське тоже.

* * *

Сход собрался на десятый день.

Приехали пятеро из шести.

Шестое кочевье прислало сына старшего с извинением: старший болен и не встаёт, а сын не имеет права решать за него.

Это, между прочим, честно, — заметил Кеша. — Он мог приехать и решить, и ему бы поверили. Он предпочёл не решать.

Сидели в самом большом шатре, в два круга: старшие внутри, их люди снаружи вдоль стен.

Я сидел не в круге. Я сидел сбоку, там, где у них сажают того, кто говорит, но не решает.

Кеша сидел у меня на колене, потому что с земли ему было не видно, и это, как выяснилось, произвело на приезжих впечатление куда более сильное, чем всё, что я потом говорил.

* * *

Говорил я двадцать минут и, кажется, всё сделал неправильно.

Я начал с цикла — с червя, с цисты, с того, как оно ходит по кругу. Через пять минут я по лицам понял, что меня не слушают.

Не потому, что не верили. Потому, что это было не про них.

Тогда я остановился на середине фразы.

— Ксаверий, я неправильно начал.

Неправильно.

— А как надо начинать?

Реннел, я не знаю, как надо, — отозвался дракон. — Я сто десять лет прожил среди четверых человек. Я умею считать деньги и злить людей.

Я посидел секунд десять.

Потом попросил принести шапку.

* * *

Шапку принёс Гуш — свою, ту самую, в которой на рассвете принёс мне трёх червей.

Я вынул червя — я держал двоих живыми в банке с рапой, потому что собирался везти домой, — и положил его на кошму посреди круга.

Он пополз.

Медленно, слепо, никуда не торопясь.

В шатре стало очень тихо. Старший из третьего кочевья — сухой старик с перебитым носом — подобрал ноги.

Я взял нож и вскрыл червя вдоль.

Потом сел на пятки и стал ждать.

Первым подошёл тот самый старик с перебитым носом. Он присел, посмотрел на разрез, потом поднял глаза на меня и что-то спросил.

Он спрашивает, что это белое, — перевёл Кеша.

— Скажи: это то, что убивает их скот.

— И скажи, что оно попадает в червя из павшего, а в верблюда — из соли, — договорил я. — И больше пока ничего не говори.

* * *

Дальше говорили они, часа полтора, и я почти в этом не участвовал.

Сначала спорили о том, правда ли это. Потом перестали спорить и начали считать: сколько телег, сколько дней, кто повезёт, где взять людей зимой.

Потом дошли до главного, и вот тут Кеша начал переводить быстро, потому что важно было каждое слово.

Они спрашивают, кто оплатит дорогу за солью, — доложил он. — Дальний разлив в двух днях. Это по три телеги и по четыре человека от кочевья, раз в месяц. Кто-то должен возить, а зимой люди нужны на месте.

— Ксаверий, а как это делалось сто лет?

Возили сообща. По очереди, кочевье за кочевьем.

— Так пусть возят сообща.

Реннел, они и предлагают возить сообща, — уточнил дракон. — Спорят они не про это. Спорят про то, что у Кайрака пало двадцать семь голов и он не может выставить телеги в свою очередь. А если очередь пропускают, то её надо кому-то закрыть.

Я сидел и слушал спор шести человек о том, кто будет возить соль за разорившегося соседа.

Мне это было до отвращения знакомо.

* * *

— Ксаверий. Переведи им, что за очередь Кайрака заплачу я.

Дракон повернул башку.

Чем?

— Пошлиной, — отозвался я. — Скажи: три ходки через мой камень без пошлины и без доли. Любому кочевью, которое возьмёт на себя очередь Кайрака. Каждому по одной.

Реннел, три ходки — это шестьдесят с лишним золотых.

— Я прекрасно это знаю.

Дракон тяжело вздохнул у меня в голове.

— Ксаверий, переведи, — потребовал я.

Он перевёл.

В шатре стало тихо во второй раз за вечер.

* * *

Потом старик с перебитым носом заговорил, и говорил он долго, и Кеша слушал, не переводя, до самого конца.

Он говорит следующее, — доложил дракон наконец. — Он говорит, что через камень его кочевье не ходило сорок лет и что он думал, что не пойдёт уже никогда. Он говорит, что помнит камень мальчиком.

— И что он на это спрашивает?

И он спрашивает, правда ли, что за проход берут одну монету.

— Правда, одну с человека.

Он спрашивает, любую ли монету.

Я не сразу понял вопрос.

— Ксаверий, что он имеет в виду?

Он имеет в виду, что у него нет ваших денег, — пояснил Ксаверий Аргентум Третий. — И что у них монеты чеканили в позапрошлом веке и с тех пор не чеканят, а те, что есть, разошлись по семьям и лежат в приданом.

Я подумал.

— Скажи: любую, — распорядился я. — Хоть камешек. Важно не что кладут, а что кладут по своей воле.

Кеша перевёл.

И вот тут старик посмотрел на меня совершенно иначе, и я понял, что сказал что-то важное, но не понял что.

* * *

Решение приняли к полуночи.

Оно было записано — точнее, не записано, а проговорено вслух каждым из пятерых, по очереди, и это у них имеет силу большую, чем бумага.

Соль — только с дальнего. Все семь кочевий.

Павших — на западные гряды. Все семь.

Очередь Кайрака делят между собой третьё и пятое кочевья, за три бесплатные ходки, по полторы каждому. Я поморщился на «полторы» и вслух согласился, потому что спорить было бы неприлично.

Шестому кочевью отправляют гонца с решением, и если их старший не согласится, дело переносят на весенний сход.

Уходя, старик с перебитым носом задержался у выхода и сказал мне через Кешу одну вещь, которую я потом полгода обдумывал.

Он говорит: ты не торговался, — перевёл дракон.

— Скажи, что мне было нечем.

Не говори этого.

— Ксаверий, это правда.

Это правда, и она тут неуместна, — не согласился Ксаверий Аргентум Третий. — Реннел, он сделал тебе замечание, а не комплимент. Он говорит, что ты не торговался, и это у них означает, что ты либо очень богат, либо не уважаешь тех, с кем имеешь дело.

Я подумал.

— Ксаверий, скажи ему так. Скажи, что я торговался бы, если бы речь шла о моей выгоде.

А тут речь шла о его беде, и торговаться о чужой беде я не умею.

Дракон перевёл.

Старик выслушал и ответил двумя словами.

Он говорит: научишься, — доложил Кеша.

* * *

Разошлись под утро.

Кайрак проводил меня до шатра и по дороге сказал одну фразу.

Он говорит: теперь ты у нас в долгу, — перевёл Кеша.

— В каком это долгу?

В том, что ты за них заплатил, — уточнил дракон. — Реннел, у них так: тот, кто заплатил за тебя, становится тебе должен, потому что теперь ты не можешь ему отказать. Он предупреждает по-хорошему.

* * *

Между сходом и возвращением погонщиков было три дня, и в эти три дня я делал то, ради чего, если разобраться, и шёл.

Я лечил.

Не мор — с ним я ничего сделать не мог. Всё остальное.

Троим верблюдам из четвёртого загона поставил кормушки на высоту груди вместо земляных, потому что зверь, который переступает от боли в суставах, не должен ещё и наклоняться.

Двоим обработал подошвы. Илария показала мне местный способ — соляной раствор с жиром, — и я к третьему дню делал это быстрее неё.

Шестой, стельной, сменил рацион: убрал соль вовсе. Не потому, что знал, поможет ли, а потому, что рассудил: если паразит приходит с солью, то стельной он не нужен вдвойне.

Она отелилась в мае, и телёнок был чистый, и мне об этом написали через год.

Коровам велел сточить копыта, и это оказалось целым делом, потому что у них не было инструмента и никто не умел.

Учил я двоих мужиков полдня, испортил одно копыто, и потом Илария полчаса объясняла мне через Кешу, что я испортил и как этого не делать.

— Тобиас, вы срезали до мяса.

— Я не рассчитал.

— Вы не рассчитали, потому что торопились, — не согласилась она. — Тобиас, я вам это скажу один раз и больше не буду: вы прекрасно считаете и отвратительно работаете руками.

— Я восемь лет работал руками.

— Вы восемь лет работали руками, глядя в записи, — уточнила Илария. — Это другое.

Она была права.

Я после этого месяц упражнялся на своих копунах и через год резал копыта не хуже неё, и это, пожалуй, единственное ремесло, которому я выучился в этом мире с нуля.

* * *

Пятеро погонщиков вернулись с дальних разливов на четвёртый день после схода.

Их ждали как единственную надежду, потому что они ушли в ноябре и, по моим расчётам, должны были уйти до того, как соль с ближнего пошла в лизунец повсеместно.

Я вышел встречать вместе со всеми.

Пять верблюдов шли по склону в котловину, и я считал шаги — привычка, от которой не избавился с осени, — и на двадцатом шаге у меня опустились руки.

Двое переступали.

Мелко, тем самым переступанием, которое я записал у третьего в первый же день.

* * *

Осматривал я их при свете, при всех, и мне было всё равно.

Двое из пяти.

Жар. Суставы. И то самое «Двойное».

— Ксаверий, спроси у них: соль они брали с собой из кочевья или рубили на месте?

Дракон спросил.

Погонщик ответил, и Кеша переводил его медленно.

*Он говорит, что соль им довели, — отозвался он. — В начале декабря. Из кочевья при-
слали телегу с провизией и с солью, потому что своей у них к тому времени не осталось.*

Я закрыл глаза.

— С ближнего разлива.

С ближнего.

— Ксаверий, спроси, кто отправлял телегу.

Отправляли по общему решению. Никто отдельно.

Я записал в лист: «Пятеро с дальних разливов. Двое больны. Заражение через довезённую соль, начало декабря. Ушли чистыми».

И приписал ниже, потому что рука сама:

«Их спасение было в том, что они ушли. Их погубило то, что о них позаботились».

* * *

А вечером тот из погонщиков, что был постарше, подошёл ко мне сам.

Он ждал, пока я закончу с записями, и подошёл, когда я убирал лист, и что-то произнёс, глядя в сторону.

Он говорит, что видел человека, — перевёл Кеша.

— Какого человека?

*На дальних разливах. В начале декабря, через день или два после того, как пришла телега
с солью.*

Я очень медленно положил лист обратно.

— Ксаверий, спроси, как он выглядел.

Погонщик ответил коротко.

*Не из их народа, — перевёл дракон. — Один. Без скота и без товара. Смотрел, как рубят
соль, ни о чём не спрашивал, ушёл к вечеру.*

— В какую сторону ушёл?

Кеша спросил.

И перевёл ответ так, что я услышал в его голосе то, чего не слышал за полтора года ни разу.

Он был зол.

Очень зол.

На восток, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — *Реннел, на восток отсюда — это к перевалу. А за перевалом — твой камень.*

* * *

Я не спал в ту ночь и вышел из шатра часа в три.

Илария сидела снаружи, у притухшего очага, завернувшись во всё, что у неё было.

— Вам тоже не спится.

— Мне не спится с тех пор, как вы принесли лист, — отозвалась она, подвинувшись. — Тобиас, я всё считаю дни и у меня не сходится.

— Что не сходится?

— Он был на дальних разливах в начале декабря, — заговорила Илария. — Ушёл на восток. До перевала оттуда сколько?

— Дня четыре, если по зиме.

— Значит, у перевала он был числа десятого, — продолжила она. — А в ночь на двадцать шестое к вам в окно постучал Тегиш.

Я сел рядом.

— Илария, вы хотите сказать, что он мог пройти раньше Тегиша.

— Я хочу сказать, что он мог пройти вообще, — уточнила она. — Тобиас, у вас реестр. Кто прошёл через ваш камень в декабре?

— Никто, — отозвался я. — Ни одной записи. Первая запись — Тегиш, двадцать шестого, и я её сделал сам, потому что он пришёл без пошлины и без сопровождения.

— Вот именно, — договорила Илария тен Овеск. — Он пришёл без пошлины. И вы записали это как исключение.

Я сидел у чужого очага, в четырёх днях пути от собственной земли, и очень отчётливо понимал, что за девять месяцев держания ни разу не проверил простейшую вещь.

Я вёл реестр тех, кто платит.

И ни разу не подумал, как узнать про тех, кто не платит.

Глава 6

Обратно шли шестеро: я, Илария, Гуш, Кеша в мешке, Илмет и Тегиш.

Тегиш пошёл провожать до камня и остался на нашей стороне ещё на месяц — доучивать нас языку, потому что сын его к тому времени знал по-нашему сорок слов, а мы по-ихнему полторы сотни, и было ясно, что через месяц мальчишка обгонит нас всех и переводить будет он.

Шли восемь дней вместо четырёх.

Сильно мело.

* * *

На четвёртые сутки Илмет впервые за всю дорогу заговорил сам.

До этого он молчал — не от страха, как я решил вначале, а от того, что у них младший не заговаривает первым, и это правило он соблюдал так же строго, как Гуш соблюдал своё немногословие.

Он подошёл ко мне на привале и произнёс фразу, которую явно готовил.

Слов пять, по-нашему, с чудовищным выговором.

— Ксаверий, что он сказал?

Он сказал: «Господин, я буду смотреть зверей», — перевёл Кеша. — Реннел, он готовил эту фразу четыре дня. Ответь как следует.

Я подумал.

— Скажи ему: не «буду смотреть», а «буду наблюдать», — распорядился я. — И объясни разницу.

Реннел, у них нет этого различия.

— Тогда пусть это будет первое, что он у нас выучит, — не согласился я. — Ксаверий, объясни: смотреть — это когда глядишь. Наблюдать — это когда глядишь и записываешь.

Дракон перевёл длинно.

Илмет выслушал, кивнул и повторил новое слово четыре раза, шевеля губами, пока не запомнил.

К вечеру он спросил, чем записывают.

* * *

Кеша всю дорогу молчал.

Он вообще с той ночи, когда погонщик рассказал про человека на дальних разливах, стал молчалив по-новому: не обиженно и не устало, а сосредоточенно, как молчит счетовод над сходящейся не туда колонкой.

На седьмой день я не выдержал и спросил.

— Ксаверий, ты считаешь что-то, чего не говоришь.

Считаю.

— И скажешь мне что-нибудь?

Скажу, когда сойдётся. Реннел, я не люблю произносить половину.

— Ксаверий, у нас впереди два дня пути и мешок на плече. Произнеси половину, я никому не передам.

Дракон помолчал.

Хорошо, — уступил он в этот раз. — Меня беспокоит, что всё это слишком дешево.

— В каком смысле дешево?

В самом прямом, — подтвердил Ксаверий Аргентум Третий. — Посчитай сам. Восемь коров — это, по вашим ценам, золотых сорок. Дорога с ними от Вирлани через перевал — ещё двадцать, если считать людей и корм. Итого шестьдесят.

— Шестьдесят золотых, чтобы уронить мою тропу.

Шестьдесят золотых, чтобы уронить коронный переход, — уточнил дракон. — Реннел, за такие деньги в Вельне покупают трактир. Тот, кто это сделал, потратил меньше, чем ты платишь Иларию по договору за два года.

Я шёл и думал.

— И что это значит?

Одно из двух, — отозвался Кеша. — Либо у него совсем нет денег и он гениален. Либо он не считал деньги вовсе, потому что они не свои.

* * *

Восьмой камень мы прошли на девятый день, к ночи.

Я вышел первым — так решили, потому что если бы за эти сорок суток что-то случилось на нашей стороне, лучше было бы, чтобы это встретил я.

Ничего не случилось.

Прогалина. Снег. Кольцо камней, из которых горел один — второй, тот, что живой сорок лет, — а восьмой был холодный настолько, что от него уже не шло совсем ничего.

И на прогалине сидел Пим.

В тулупе, на перевёрнутом ведре, с журналом на коленях, и по слою снега на плечах было видно, что он сидит тут не десять минут.

— Пим, ты чего тут делаешь среди ночи?

— Дежурю, — доложил он, вставая. — Сорок первые сутки, господин Тобиас.

* * *

Дежурил он, как выяснилось, с тридцать восьмых.

Не потому, что я велел — я этого не делал. Он сам посчитал сроки, прибавил три дня на непогоду и с тридцать восьмых садился у камня на закате и сидел до полуночи, потому что «если бы вы вышли и никого не было, вы бы пошли к дому по темноте и через пруд».

— Пим, через пруд я бы не пошёл.

— В прошлом году пошли, — не согласился он.

Тут крыть было нечем.

* * *

Обратная дорога заняла восемь дней, и восемь дней в мороз с грузом — это не то же самое, что восемь дней налегке.

Про то, как мы шли, скажу коротко.

Мело четверо суток из восьми. На третий день Гуш шёл впереди и протаптывал, и мы трое шли за ним след в след, и он это делал двенадцать часов подряд и не сменялся, потому что менять было нечем: я на его шаге не выгребал, Илария тем более.

На пятый день у нас кончилось масло для фонарей. Не по расчёту — расчёт был верный. Просто в мешке подтекло, и мы обнаружили это на привале.

Остаток вечеров шли и сидели в темноте, при одном фонаре, который зажигали на четверть часа, чтобы поесть.

На шестой Илмет заболел.

Не сильно — простыл, дал жар к вечеру. Но у нас в шести днях от жилья заболел тринадцатилетний, которого я взял под расписку у отца три недели назад.

Илария сбила ему жар за ночь.

Она сидела с ним до трёх, потом разбудила меня и легла сама, и это была единственная ночь за всю поездку, когда мы менялись у больного, как меняются в больнице.

— Илария, вы сказали, что он не тяжёлый.

— Он и правда не тяжёлый.

— Тогда зачем менялись?

— Затем, что мне так спокойнее, — не приняла она вопроса. — Тобиас, я не всё делаю по медицинской надобности. Иногда я делаю по своей.

* * *

Дома нас ждали три новости, и первая была хорошая.

Кисейницы дали вторую кладку.

Это была новость, которую Пим держал сорок один день и о которой не написал мне ни строчки, потому что писать было некуда.

Четыре яйца, отложены в конце января, что на два месяца раньше прошлогоднего срока и, по всей вероятности, означало, что птице наконец хватает корма.

Пим показывал журнал, дрожа от гордости и от холода одновременно.

— Я в гнездо не лез. Ни разу. Даже когда она слетала.

— Я знаю, что не лез.

— Откуда вы знаете?

— Из записей, — отозвался я, листая. — Ты пишешь наблюдения с шести шагов. Если бы ты подошёл ближе, у тебя появились бы подробности, которых с шести шагов не видно. Их нет.

Пим покраснел.

Вторая новость была никакая: копуны дали второй помёт, все живы, и это означало, что к осеннему счёту у нас будет вид, только считать теперь некому и незачем, потому что грамоты нет.

А третья ждала меня на столе в кабинете.

* * *

Писем было четыре.

Первое — от Дербена. Он спрашивал, будет ли весенняя поставка, потому что дом Виттеринга в Кальтене прислал ему запрос на панцирную пластину и он не знает, что отвечать. Письмо было от третьего февраля.

Второе — от Иветты Марвейн. Уведомление: строительство складского двора начато, постоянный двор заложен, первый взнос по договору — сто двадцать золотых — внесён в контору Кернель на моё имя двенадцатого января.

Сто двадцать золотых. Пока я ходил по соляной степи.

Третье — от магистра Крича. Три пункта, как всегда.

Первое: настоящим сообщается, что производство по факту изъятия приложений из архивного дела завершено.

Второе: установить лицо, изъявшее приложения, не представилось возможным по причине утраты журнала выдачи дел за семидесятый год.

Третье: приостановление в отношении старшего камня Реннельского перекрёстка сохраняется до особого распоряжения.

И ниже, без нумерации: «Барон, журнал выдачи за семидесятый год был на месте в июне. Я держал его в руках».

* * *

Четвёртое письмо было без подписи.

Я это понял не сразу — сначала перевернул лист, поискал на обороте, потом посмотрел на просвет, как дурак.

Оно было в одну строку, писанное хорошим канцелярским почерком:

«Держателю следует знать, что переход, за который он отвечает, имеет два входа».

Я сидел с этой строкой минут десять.

Потом позвал Кешу.

* * *

Покажи конверт, — потребовал он.

Конверта не было. Лист лежал сложенным, без печати, без адреса.

Кто принёс?

— Мавра! — окликнул я через дверь. — Кто принёс четвёртое письмо?

— Какое четвёртое? — отозвалась она из кухни.

— Которое без подписи.

Мавра появилась в дверях, вытирая руки.

— Не было четвёртого, — определила она. — Было три. От Дербена, от той женщины и от Крича. Я их сама складывала на стол.

— А это тогда что такое?

Она подошла, взяла лист, прочла и очень аккуратно положила обратно.

— Этого не было, — повторила Мавра.

* * *

Реннел, — заговорил Кеша после долгой паузы. — *Спроси её про даты.*

— Мавра, когда пришло последнее из трёх?

— Кричево, — отозвалась она. — Двенадцатого февраля, с возчиком.

— А после двенадцатого в кабинет кто заходил?

Мавра подумала.

— Я, — доложила она. — Каждый день топила. Пимка два раза, брал бумагу. Бернат один раз, смотрел раму.

— И больше никто?

— И больше никто, — подтвердила она. — Мальчик мой, кабинет запирался. Ключ у меня на шее висел все сорок суток.

Я посмотрел на неё.

Она стояла в дверях, семидесятичетырёхлетняя, в переднике, и на шее у неё действительно была тесьма с ключом, которую она с осени не снимала.

— Мавра, я тебя ни в чём не подозреваю.

— Знаю, что не подозреваешь, — не приняла она. — Я сама себя сейчас подозреваю. Потому что если ключ был у меня и в кабинет никто не входил, то откуда бумага?

* * *

Мы обыскали кабинет вчетвером.

Ничего.

Ни следов на подоконнике, ни сдвинутых половиц, ни щели в раме — Бернат раму смотрел в январе и как раз тогда законопатил, о чём была запись в хозяйственном журнале Пима, потому что Пим записывал теперь всё.

К полуночи Илария, сидевшая в углу и не участвовавшая в поисках, подала голос.

— Тобиас, вы ищете не то.

— А что надо искать?

— Не как оно попало в комнату, — уточнила она. — А зачем его написали.

Она подошла к столу и развернула лист.

— Смотрите. Это не угроза. Это не требование. Тут даже не сказано, где второй вход. Тут сказано ровно одно: что вы чего-то не знаете.

— И что это значит?

— Чтобы вы начали поиски, разве это непонятно? — отозвалась Илария тен Овеск.

* * *

Она права, — согласился Кеша.

— Ксаверий, ты понимаешь, кто это написал?

Не понимаю. Понимаю только, что писал человек, знакомый с уставом.

— Почему ты так решил?

Из-за слова «держатель», — пояснил дракон. — Реннел, тебя так называют в трёх местах на свете: в предписаниях службы, в уведомлениях палаты и в уставе. Твои соседи зовут тебя бароном. Дербен — бароном. Марвейны — бароном.

— Значит, писал служащий.

Или тот, кто хочет, чтобы ты так подумал, — не согласился Ксаверий Аргентум Третий.

* * *

Пока искали, случилось то, чего я не ожидал: Урочище за сорок суток не развалилось.

Более того, оно работало лучше, чем при мне.

Я это понял, когда сел разбирать журналы.

Кормовой журнал вёлся ежедневно, без пропусков, с подписью в третьей графе. Из сорока одной записи в тридцати восьми стояло «Пим», а в двух — «Бернат», второй почерк был корявый, потому что Бернат писал печатными и медленно.

Расход кормов сошёлся с остатком с погрешностью в полпуда на сорок суток. Это лучше, чем у меня.

Воскресные посещения зимой не проводили, но в феврале Пим по собственному почину пустил школьного учителя Аммея с учениками — бесплатно, потому что «денег брать без вас я не стал, а не пустить было глупо».

И приписка ниже: «Магистр Аммель спрашивал про улитку. Я сказал: не знаю. Он сказал: правильный ответ».

* * *

— Пим, подойди на минуту.

— Чего вам, господин Тобиас?

— Ты за сорок суток ни разу не ошибся в расходе, — доложил я, не поднимая головы от книги.

Он замер в дверях.

— А это плохо или хорошо?

— Это попросту невозможно, — уточнил я. — Пим, я веду эту книгу полтора года и ошибаюсь раз в две недели. Ты ошибок не сделал ни одной. Как?

Он потоптался.

— Я два раза считал, — признался он наконец. — Вечером считаю и записываю. А утром считаю снова, до того как посмотрю, что записал.

— И если не сходится?

— Если не сходится, считаю третий раз, — доложил Пим. — И записываю то, что вышло дважды из трёх.

Я отложил перо.

— Кто тебя этому научил?

— Никто, — отозвался он. — Я сам придумал, потому что боялся.

* * *

Первые десять дней я искал неправильно и потратил их зря, и это стоит описать, потому что зря потраченное время — тоже часть работы.

Первый день. Обошёл ограду по всему периметру. Полторы версты, пять калиток, ни одного пролома. Полдня.

Второй и третий. Обошёл болотную кромку с Гушем. Следы Фойта, следы копача, следы наших же людей. Ничего.

Четвёртый. Спустился в подвал и два часа простукивал стены. Простукивал, замечу, не зная, что именно должен услышать, и услышал ровно то, что слышит человек, стучащий по камню: стук.

Пятый и шестой. Читал устав. Раздел о переходах, раздел об обследовании, раздел о признаках. Искал, как отличить настоящий переход от простого камня, и нашёл: «признаком является теплоотдача, устанавливаемая приложением ладони либо термомером».

Термомера у меня не было. Ладоней было две.

Седьмой, восьмой, девятый. Ходил по Урочищу и прикладывал ладони ко всему, что напоминало врытый камень.

Таких оказалось одиннадцать: четыре межевых столба, три надгробия на семейном участке за парком, два камня в фундаменте акведука и два просто камня.

Все холодные.

Десятый. Сидел в кабинете и злился.

Вот на десятый Гуш и подошёл ко мне со своим вопросом про дверь, и я до сих пор считаю, что он подошёл не случайно, а потому, что видел меня девять дней подряд и на десятый решил, что хватит.

* * *

Второй вход мы нашли на одиннадцатый день.

Не потому, что были умны, а потому, что я перестал искать вход и стал искать следы.

Логика была простая, и до неё я додумался не сам — до неё додумался Гуш, а я только оформил.

— Господин, вы ищите дверь, — заметил он, когда мы третий день ходили по болотной кромке.

— Ищу дверь, ты прав.

— А дверью ходят, — уточнил Гуш. — Значит, есть тропа. Не магическая. Обычная.

— Гуш, тут снег с ноября. Всё замело.

— Замело поверху, — не согласился он. — А внизу нет. Тропу зимой видно не по снегу. Тропу видно по кустам.

Я не понял, и он показал.

* * *

Он привёл меня в ольшаник за третьим двором и остановился.

— Смотрите на ветки.

Я смотрел минуты две и ничего не видел.

— На высоте плеча, — подсказал Гуш.

И тогда я увидел.

Ветки на высоте примерно моего плеча были обломаны. Не срублены — обломаны, как ломает их человек, идущий в темноте и отводящий рукой. Обломы старые, зачерневшие, но не заросшие.

Они шли полосой.

Гуш пошёл по этой полосе, и я за ним, и мы шли минут сорок, и полоса вывела нас не к болоту, не к пролomu в ограде и не к сараю Фойта.

Она вывела к пруду.

* * *

Точнее, к тому, что было за прудом.

Двадцать десятин старого сосняка, которые мы расчистили прошлой весной и в которых с тех пор никто не бывал, кроме Пима — он раз в месяц ходил смотреть, не вернулось ли то, что там когда-то гнезилось.

Полоса обломанных веток шла через весь сосняк и кончалась на прогалинке шагов в двадцать.

Посреди прогалинки лежал камень.

Серый. Гладкий. Врытый.

По плечо мне высотой, и вокруг него на два шага не было снега.

* * *

Я стоял и смотрел на него, и в голове у меня очень медленно вставало на место сразу несколько вещей.

Первая: он тёплый.

Вторая: до кольца отсюда полторы версты, и он не в кольце, а значит, он и есть тот двенадцатый, которого искали, — нет, стоп, двенадцатый в подвале, обкопан, обмерен, числится в реестре под номером двенадцать.

Значит, тринадцатый.

Третья: он тёплый, а восьмой — холодный.

— Ксаверий, ты это видишь?

Я прекрасно вижу.

— От него идёт тепло.

От него идёт жар, — поправил дракон. — Реннел, приложи руку и не спорь со мной, я это чувствую иначе, чем ты.

Я приложил.

Он был горячий.

* * *

Мы простояли на этой прогалинке, наверное, полчаса, и никто не сказал ни слова, кроме Гуша, который сказал одно.

— Сюда ходили, и не раз.

— А часто ходили?

— Обломы разного возраста, — доложил он, разглядывая ветки. — Есть старые, лет по десять. Есть свежие.

— Насколько свежие?

Гуш пощупал излом на ближайшей ветке.

— Зимние, — определил он. — Этой зимой ломали.

Реннел, — очень ровно заговорил Ксаверий Аргентум Третий. — Сто десять лет.

— Ксаверий, не начинай.

Я и не начинаю, — не согласился он. — Я просто произношу это вслух, потому что если я не произнесу, я буду думать об этом молча, и это хуже.

Он помолчал.

Сто десять лет я жил в полутора верстах от горячего камня и не знал о нём. И знаешь, что самое унижительное? Я знаю, почему не знал.

— И почему?

Потому что я не ходил за пруд, — отозвался дракон. — Мне было тяжело ходить. Я был большой, а потом стал занят, а потом стал маленький.

* * *

Тринадцатый камень я описал по всей форме в тот же вечер, и описание заняло две страницы.

Не потому, что было что описывать, — потому что я решил вести его так же, как восьмой, с первого дня.

Положение. Сосняк за прудом, от восточного угла зимовника на юго-запад тысяча девятьсот сорок шагов. От восьмого камня — тысяча четыреста двенадцать. От кольца — полторы версты с четвертью.

Вид. Серый, гладкий, без обработки, врыт. Над землёй по плечо. Формой не отличается от прочих.

Состояние. Горячий на ощупь. Круг протаявшей земли — два шага в поперечнике при снежном покрове в четверть аршина.

Окружение. Прогалина двадцати шагов, сосны по кругу, подлесок расчищен весной сего года силами хозяйства.

Вот на последнем пункте я остановился.

— Ксаверий, тут одно не сходится.

Что именно?

— Мы расчистили тут подлесок в апреле прошлого года. Двадцать десятин, три недели, шестеро.

Я помню.

— И мы не нашли камень.

Дракон помолчал.

Реннел, вы чистили подлесок, — уточнил он. — Вы рубили кусты и мелочь до высоты человека. Камень по плечо. Вокруг него на два шага голая земля.

— Значит, мы всё-таки прошли мимо.

Значит, вы прошли мимо шесть раз, — согласился Ксаверий Аргентум Третий. — И, Реннел, я знаю, почему. Потому что вы искали не камень. Вы смотрели вверх, на гнёзда.

* * *

Вечером в кухне собрались все, включая Тегиша и Илмета, которые ничего не понимали и потому сидели тише всех.

Я выложил на стол безымянное письмо и рядом — свою запись о находке: место, промеры, температура на ощупь, ширина протаявшего круга, возраст обломов по оценке Гуша.

— Первое, что надо решить, — заговорил я. — Сообщаем службе или нет.

— А есть выбор? — уточнила Илария.

— Есть, — отозвался я. — По уставу держатель обязан сообщать о переходах, находящихся в его владении. Тринадцатый камень в реестре не значит. Значит, формально это не переход, а просто тёплый камень у меня за прудом.

— Тобиас, это крюкотворство.

— Это крюкотворство, — согласился я. — И это единственное, что я умею делать очень хорошо.

Мавра поставила чугунок и села.

— Мальчик мой, ты объясни по-простому, — потребовала она. — Что будет, если скажешь, и что будет, если смолчишь.

* * *

— Если скажу, — начал я. — Приедет служба. Обкопают, обмерят, поставят на учёт. И тогда у нас будет два коронных объекта вместо одного, и второй — горячий.

— И чем это плохо?

— Для земли это очень хорошо, — уточнил я. — Землю тогда не заберут никогда и никакими способами. И это очень плохо для всего остального, потому что горячий переход, о котором никто не знал сто десять лет, — это не наше дело. Это дело столицы.

— А если смолчишь? — не отступила Мавра.

— Тогда у меня будет время выяснить, кто по нему ходит, — отозвался я. — И кто написал мне записку.

Гуш поднял голову.

— Он ходит зимой, — напомнил он.

— Ходит именно зимой.

— Значит, придёт ещё, — договорил Гуш.

Я не особо понимал его логики, но расспрашивать его все-равно было бесполезно.

* * *

Решали до полуночи. И я до сих пор считаю это решение самым сомнительным из всех, что принимал.

Службе не сообщаем. Пока. Формулировка: тринадцатый камень не значит в реестре, следовательно, обязанность сообщать не возникла, и это правда, и это же ложь.

Наблюдение ставим. Сосняк — под ежедневный обход. Обломы на ветках метим краской, чтобы отличать старые от новых. Записывает Пим, проверяет Гуш.

Тропу не трогаем. Ни одной ветки не ломаем, ни одного следа не оставляем. Ходим стороной, по своему следу, одному и тому же.

Кричу пишем. Не про камень — про журнал выдачи дел за семидесятый год, который был на месте в июне и пропал к февралю. Это его дело, и он его не бросит.

— И предпоследнее, — продолжил я. — Тегиш и Илмет про камень знают ровно то, что слышали сегодня, и я прошу их об этом не говорить никому, включая своих на той стороне.

Кеша перевёл.

Тегиш ответил коротко.

Он говорит, что это само собой, — доложил дракон. — *И что он вообще не понимает, зачем ты это просишь вслух.*

— Ксаверий, объясни ему, что у нас принято проговаривать.

Я объяснил. Он говорит, что у них тоже принято проговаривать, но только то, в чём сомневаешься.

Я записал и это.

— И последнее, — договорил я. — Илария, вы завтра уезжаете домой.

Она подняла брови.

— Это с чего вдруг такое?

— С того, что у вас надел, сорок голов и управляющий, который лежит с грудью с ноября, — напомнил я. — Вы отсутствовали сорок один день.

— Тобиас, я уеду, когда сочту нужным.

— Илария, не упрячьтесь.

— Я уеду через три дня, — уточнила она, вставая. — Мне нужно посмотреть кисейницу перед кладкой и объяснить Пиму, как считать вылеты. Три дня, и не спорьте, вы всё равно проиграете.

Я не стал спорить.

Я к тому времени научился отличать те споры, которые проигрываю, от тех, которые проигрываю с пользой.

Глава 7

Наблюдение за сосняком мы вели двадцать три дня, и первые двадцать не дали ничего. Порядок был такой.

Обломы на ветках вдоль тропы Гуш пометил: старые — мазок дёгтем, свежие — мазок мелом. Всего вышло сто девяносто четыре отметки на протяжении полутора вёрст, и Пим переписал их все в отдельную тетрадь, с указанием высоты и стороны.

Обход — раз в сутки, на рассвете, по нашему собственному следу, который мы протоптали один раз и с тех пор не расширяли.

Кто идёт: Гуш и Пим, вдвоём, всегда вдвоём. Одному нельзя, потому что если один встретит того, кто ходит, то дальше будет разговор без свидетелей.

Что записывают: новые обломы, следы, состояние снега вокруг камня, ширина протаявшего круга.

За двадцать дней круг не изменился ни на ладонь.

Новых обломов не появилось.

* * *

Илария уехала на четвёртый день, как и обещала, и уехала тяжело.

Не по-плохому — просто она три дня работала так, будто уезжала навсегда: перебрала аптеку, переписала на отдельный лист дозировки для всех наших зверей, показала Пиму, как считать вылеты кисейницы, и заставила его посчитать при ней трижды.

На четвёртый день с утра она стояла у телеги и никак не могла закончить.

— Тобиас, я оставила вам лист по дозировкам.

— Видел, спасибо.

— Там внизу приписка про пеплогрива, — уточнила она. — Ему четвёртая зима на настиле. Он их не бесконечно переживёт.

— Я это помню, Илария.

— Помните, — согласилась она. — И всё равно прочтите.

Она поправила поводья, которых поправлять было не нужно.

— И вот ещё что, — добавила она, не глядя на меня. — Если тот человек придёт снова, вы мне напишете в тот же день. Не через неделю, когда всё выясните. В тот же день.

— Илария, вы скоро вернетесь.

— Верно, но это другое, — не приняла она. — Тобиас, я весь февраль ходила по соляной степи и ни разу не пожалела. Я не хочу узнавать про важное из вашего пересказа задним числом.

Она забралась на спину лошади и уже с нее посмотрела на меня.

— Так напишете или нет?

— Напишу в тот же день, — пообещал я.

* * *

Наблюдение мы поставили так, что я потом переносил эту схему на всё остальное.

Обход. Раз в сутки, на рассвете, вдвоём, по одному и тому же следу.

Запись. Отдельная тетрадь, только по сосняку. Дата, время выхода, время возвращения, погода, состояние снега у камня, новые обломы, чужие следы.

Метки. Дёготь и мел, сто девяносто четыре штуки, переписаны с указанием высоты и стороны.

Правило неприкосновенности. Ни одной ветки не ломать, ни одного следа не оставлять вне своей тропы, ничего не поднимать и не переносить.

Последнее правило Пим нарушил на четвёртый день, и нарушил из лучших побуждений.

Он подобрал у камня обломок сухой ветки, который лежал поперёк тропы, и убрал его в сторону, чтоб не спотыкаться.

И честно записал это в тетрадь.

— Пим, зачем ты его убрал?

— Мешал, — доложил он и тут же понял. — Господин Тобиас, я дурак.

— Ты не дурак, ты записал.

— Так я же испортил.

— Ты испортил и записал, — уточнил я. — Пим, испортить может каждый. А записать, что испортил, могут двое из десяти. Ты из двоих.

Он посмотрел на меня.

— Я всё равно дурак.

— Согласен, — не стал спорить я. — Но полезный.

* * *

Кричу я написал на третий день после возвращения и получил ответ через две недели.

Он был длиннее обычного, и это само по себе означало, что дело плохо.

Первое. По факту утраты журнала выдачи архивных дел за семидесятый год открыто отдельное производство.

Второе. Магистр Крич отстранён от участия в нём как лицо, ранее заявлявшее о наличии журнала, и потому заинтересованное.

Третье. Дело передано в производство Королевской портальной службы.

И ниже, тем же нажимом, что и в прошлый раз:

«Барон, за двадцать три года службы у меня изымали три дела. Первое — в семьдесят первом. Второе — прошлой осенью, ваше. Третье — сейчас».

Про первое он не написал ни слова, и я понял, что не напишет.

* * *

Реннел, ты видишь закономерность? — осведомился Кеша, прочитав через моё плечо.

— Вижу. Все три дела касаются перекрёстка.

Все три дела касаются Хольта, — уточнил дракон. — *Семьдесят первый — это через год после того, как он изъял приложения. Прошлая осень — твоё заявление о находке. Сейчас — утрата журнала, в котором его подпись.*

— Ксаверий, а что было в семьдесят первом?

Не знаю. Но у нас есть человек, который знает.

Я поставил лампу в тот же вечер.

* * *

Йорген Хольт пришёл на пятую ночь.

Он постарел за зиму сильнее, чем за предыдущие два года: шёл медленнее, и Мавра, увидев его, молча пододвинула табурет ближе к печи, чего раньше не делала.

Я показал ему письмо Крича.

Он читал долго, шевеля губами, и на третьем пункте остановился.

— Семьдесят первый, — выговорил он.

— Вы знаете, что это было?

— Знаю, — подтвердил Йорген Хольт. — Это было моё дело.

* * *

Он рассказывал минут сорок.

В семьдесят первом году, через десять месяцев после того, как он изъял приложения, в службе началась проверка.

Не по приложениям — их пропажу тогда никто не заметил.

Проверяли другое: почему смотритель третьего разряда Хольт по собственному почину запрашивал архивные дела, к которым по должности доступа не имеет.

— Меня вызвали в столицу, — доложил он. — Прoderжали четыре дня. Спрашивали трое.

— И что вы отвечали?

— Правду, — отозвался Хольт. — Что запрашивал. Что читал. Что искал, почему в моём служебном листе двенадцать камней, а на земле одиннадцать.

— И что вам ответили?

Старик посмотрел на свои руки.

— Мне ответили, что я прав и что это ошибка писца, — выговорил он. — Мне показали исправленный лист. В нём было одиннадцать.

* * *

Я поставил кружку.

— Вам показали исправленный лист.

— Исправленный, — подтвердил Йорген Хольт. — Барон, я тридцать лет держал это в голове и не рассказывал никому, включая сына. Мне дали лист, в котором двенадцатого камня не было. Тот же формат, та же рука, та же печать. И сказали: вот, смотрите, вам померещилось.

— А вы что на это?

— А я сказал спасибо и уехал, — отозвался он. — И с того дня ходил мерить одиннадцать камней и писать отчёты про одиннадцать.

— И так все тридцать лет?

— Все тридцать лет, — подтвердил Хольт. — Барон, я третьего разряда. Мне дали бумагу. Спорить с бумагой — это надо быть или дураком, или очень большим человеком, а я ни то, ни другое.

* * *

Кеша, лежавший на печи, впервые за вечер подал голос, и подал он его вслух — то есть в мою голову, но так, что я передал дословно.

— Ксаверий спрашивает: кто проводил проверку в семьдесят первом.

Хольт помолчал.

— Трое, — доложил он. — Двоих я не запомнил. Третий был молодой, лет двадцати пяти, писарь при них. Он не спрашивал, он записывал.

— А имя его вы знаете?

— Имени не называли, — отозвался Йорген Хольт. — Барон, это же служба. Там имён не называют, там называют должности.

Он подумал.

— Но он мне запомнился, — добавил он. — Потому что он единственный из троих на меня посмотрел, когда я уходил.

* * *

Между тем шла весна, и Урочище работало, и вот это оказалось самым трудным.

Не тревога. Тревогу я переносил сносно.

Трудным оказалось делать обычное, зная про камень за прудом.

Кисейницы высидели вторую кладку. Три из четырёх, и третий, поздний, вылупился на два дня позже прочих и был вдвое мельче, и я две недели считал, что он не выживет. Он выжил и к маю догнал остальных.

Копуны дали второй помёт, и Илмет, увидев их впервые, простоял у решётки сорок минут и потом спросил через Кешу, почему у них лапы вывернуты наружу.

Я объяснял час.

На следующий день он спросил, почему у мунликов светится только край шерсти, а не вся, и я объяснял ещё полтора часа, и в конце он записал что-то в свою тетрадь и показал мне.

Записал он это по-своему, справа налево, и я не понял ни знака.

— Ксаверий, что он написал?

«Свет по краю, потому что вещество на конце волоса. Внутри волоса его нет», — перевёл дракон. — Реннел, он записал за тобой правильно и своими словами. Это, если ты не заметил, редкое умение.

Пошлина пошла в середине марта.

Первым прошёл не Кайрак — старик с перебитым носом из третьего кочевья, тот самый, что спрашивал про монету.

Он привёл двенадцать человек и шесть телег с солью и на камень положил не монету.

Он положил медное кольцо.

Он говорит, что это кольцо его матери, — перевёл Кеша, и я по голосу понял, что дракон недоволен. — Реннел, это дорого. Это неприлично дорого за один проход.

— Ксаверий, скажи ему, что я не могу это принять.

Не говори ему этого.

— Почему не говорить?

Потому что ты сам сказал ему в феврале: важно не что кладут, а что кладут по своей воле, — напомнил Ксаверий Аргентум Третий. — Он тебя услышал буквально. И если ты сейчас откажешься, ты назовёшь его дураком.

Кольцо ушло в камень.

Восьмой прогрелся к вечеру того же дня — круг протаявшей земли пошёл от ладони до полутора шагов за шесть часов.

Я стоял и смотрел на это, и рядом стоял Пим и записывал время, и вот тогда я впервые за весну подумал, что мы, кажется, выкарабкались.

Двадцатого числа я так думал.

* * *

Тегиш ушёл домой в середине марта, с ходкой старика из третьего кочевья.

Прощание вышло коротким и неловким, потому что у них не прощаются: у них говорят, когда вернутся, и если не знают когда — не говорят ничего.

Он подошёл ко мне у камня, поставил на землю мешок и произнёс длинную фразу.

Он говорит, что сын останется, — перевёл Кеша. — И что он не будет спрашивать про сына в письмах, потому что письма читают чужие.

— Ксаверий, спроси: он хочет, чтобы я писал?

Тегиш ответил одним словом.

Нет, — отозвался дракон. — Он говорит: пиши, когда будет плохо. Хорошее он и так узнает.

Илмет стоял в трёх шагах и не подошёл ни разу.

Они не обнялись, не пожали рук и вообще, по-моему, не посмотрели друг на друга прямо ни разу за всё прощание. Отец сказал что-то, глядя мимо. Сын ответил, глядя в землю.

Потом Тегиш взвалил мешок и пошёл к камню, а Илмет развернулся и пошёл к дворам, и я честно говоря, растерялся.

— Ксаверий, у них что, так принято?

У них принято именно так, — подтвердил Ксаверий Аргентум Третий. — И, Реннел, прежде чем ты решишь, что это холодно: мальчик вчера полночи чинил отцу сапог. Молча, при мне, при одной свече. Я смотрел и не мешал.

* * *

В феврале ко мне приехал Марек Хольт — впервые после апреля, и сделал это по службе.

Квартальная проверка реестра: держатель предъявляет книгу проходящих, смотритель сверяет с монетами и подписывает.

Он приехал утром, отработал четыре часа и не сказал ни одного лишнего слова.

Реестр за квартал: одиннадцать проходов, одиннадцать монет, всё сходится.

— Барон, у вас в графе «прозвание» девять раз «Кайрак».

— Это старший ходки. У них так принято.

— Я помню, я вам это сам объяснил в апреле, — не принял он. — Барон, я не про то. Я про то, что у вас в апреле было заведено отдельным листом описание примет, а с ноября его нет. Я открыл реестр и посмотрел.

Лист был. До ноября — с приметами, с ростом, с бородой, с тем, что носит. С ноября — пусто.

— Виноват, — признал я. — С декабря у меня было не до того.

— Барон, я это записал в отчёт, — сообщил Марек Хольт. — Не как нарушение, как упущение. Вам ничего не будет, но вы должны знать, что я это записал.

— Спасибо, что сказали.

— Я обязан, — уточнил он. — Держатель имеет право знать, что о нём написано.

Он собрал бумаги и на пороге остановился.

— И ещё одно, уже не по службе.

— Слушаю вас, магистр.

— Мой отец зимует в сарае за болотом, — доложил Марек. — Мне об этом сообщили в декабре.

Я молчал.

— Барон, я не прошу его устраивать, — продолжил он. — Я прошу другого. Если он зимой сляжет, сообщите мне. Не ему — мне. Он не сообщит.

— Сообщу в тот же день.

— Благодарю вас, — отозвался Марек Хольт и вышел.

* * *

Двадцать первого марта Пим прибежал с обхода один.

Гуша не было, и это меня подкинуло со стула раньше, чем он открыл рот.

— Пим, а где Гуш остался?

— Там остался! — выпалил он. — Господин Тобиас, следы! Свежие!

— Дыши. Говори по порядку.

Он вдохнул, выдохнул и заговорил так, как я его два года учил: сперва что, потом где, потом когда.

— Обломы новые, шесть штук, — доложил Пим. — На тропе, ближе к пруду. Мелом не мечены, я вчера сам всё проверял. И следы на снегу, от камня к пруду, один человек, сапоги.

— Сапоги с подковкой?

— Без подковки, — уточнил он. — Я специально смотрел. Обычные сапоги, каблук ровный.

Значит, не Хольт.

* * *

По дороге к сосняку я успел передумать три вещи, и все три оказались неверными.

Первая: что это Хольт. Отпало сразу — сапоги без подковки, а он в других не ходит.

Вторая: что это кто-то из консорциума. Отпало на середине пути: складской двор стоит с той стороны ограды, от него до сосняка две версты кругом, и человеку с той стороны проще подойти к камню от болота, а не от пруда.

Третья: что это Фойт.

Вот эту я додумывал дольше всех и додумал уже у самой прогалины.

Фойт ходит в чунях — я это знаю с прошлой зимы. Фойт знает Урочище лучше меня. Фойт бывает тут дважды в месяц, привозит верёвки и остаётся ночевать в конюшне, когда поздно.

И Фойт единственный человек, у которого есть причина: право промысла, которого он два года добивается и которого я ему не даю.

Я додумал это и остановился посреди тропы.

Потом пошёл дальше, потому что додумать — не то же самое, что поверить.

* * *

Гуш ждал нас на тропе, шагах в двухстах от камня, и стоял он так, что я издали понял: он ничего не трогал.

— Господин, я ничего не трогал.

— Правильно сделал, докладывай.

— Прошёл один, — доложил Гуш. — Ночью, до снегопада, потому что след припорошен на палец. От камня к пруду и обратно к камню.

— То есть он вышел и вернулся.

— Вышел и вернулся, — подтвердил он. — И вот тут смотрите.

Он подвёл меня к самому краю прогалинки.

На снегу, в трёх шагах от камня, был вытоптан круг.

Небольшой, шагов полутора в поперечнике. Утоптан плотно, многократно.

— Он тут стоял, — определил Гуш.

— И сколько он тут простоял?

— Долго простоял, — отозвался он. — Час, может, два. Он тут стоял и переступал, как стоят, когда мёрзнут и не уходят.

* * *

Я обошёл круг по краю, не заходя внутрь.

— Ксаверий, что скажешь?

Скажу, что он не пришёл ниоткуда, — отозвался дракон с моего плеча. — Реннел, посмотри на след от пруда. Он идёт к камню.

— И что это значит?

И это означает, что человек пришёл с нашей стороны, — уточнил Ксаверий Аргентум Третий. — Не из камня. По земле, через сосняк, от пруда.

Я посмотрел ещё раз.

Он был прав.

Следы шли от пруда — то есть со стороны усадьбы, — доходили до камня, топтались, возвращались к пруду.

Через камень человек не проходил.

Он приходил к нему смотреть.

— Гуш, а куда след уходит от пруда?

— Не знаю, — отозвался он. — На льду не держится. Он через пруд шёл.

— А на той стороне?

— На той стороне парк, — уточнил Гуш. — И там натоптано всеми: Пимом, мной, вами, Бернатом. Не разобрать.

Я стоял на краю прогалинки и очень медленно осознавал.

— То есть он пришёл из усадьбы.

— Из усадьбы или мимо неё, — поправил Гуш. — Но со стороны дома.

* * *

Дома я сел за хозяйственный журнал Пима и стал считать людей.

За последние тридцать суток в Урочище находились: я, Мавра, Пим, Гуш, Бернат, Тегиш, Илмет.

Приезжали и уезжали: Илария (шесть раз), возчик с почтой (четырежды), Фойт (дважды, привозил верёвки), двое подённых из Овески (пять дней на распиловке), Дербенов приказчик (один раз, за образцами).

Итого одиннадцать человек, из которых семеро живут здесь.

Я смотрел на этот список часа полтора.

Потом закрыл журнал и понял, что впервые за полтора года боюсь не того, что придёт снаружи.

* * *

— Ксаверий, ты тоже это видишь.

Я знаю, о чём ты думаешь, и я думаю о том же с полудня.

— Тогда скажи это вслух.

Кто-то из своих, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий.

— Скажи, что это не обязательно.

Это не обязательно, — согласился он. — *След мог оставить чужой, прошедший мимо усадьбы ночью по льду. Но проверять надо своих, потому что чужого мы не найдём, а своих одиннадцать и они все на списке.*

Он помолчал.

И, Реннел. Ты будешь их проверять, и это тебя изменит.

— Я это прекрасно понимаю.

Ничего ты не понимаешь, — не согласился дракон. — *Ты полтора года строил дом, в котором люди говорят правду, потому что за правду не наказывают. Ты завтра начнёшь их спрашивать, где они были такого-то числа. И даже если ты найдёшь виноватого, дом уже будет другой.*

* * *

Я думал об этом всю ночь и наутро поступил ровно наоборот.

Собрал всех в кухне и рассказал.

Про тринадцатый камень — тем, кто не знал, то есть Бернату и Илмету. Про безымянное письмо. Про следы. Про круг, вытопанный в трёх шагах от камня. Про то, что человек пришёл со стороны дома.

И про то, что я не буду никого допрашивать.

— Тобиас, — заговорила Илария, приехавшая в тот день. — А вы понимаете, что вы сейчас предупредили того, кто это сделал?

— Прекрасно понимаю.

— Он теперь перестанет ходить.

— Почти наверняка перестанет.

— И вы его не найдёте.

— Почти наверняка не найду, — согласился я.

Она смотрела на меня очень внимательно.

— Тогда объясните, зачем.

Я объяснял минут пять и объяснил, кажется, плохо.

— Илария, у меня в этом доме одиннадцать человек. Если я начну спрашивать, где кто был двадцатого числа, я получу одиннадцать честных ответов и одну ложь, и я не отличу.

— Может, и отличите.

— Не отличу, я себя знаю, — не согласился я. — Я умею отличать больное животное от здорового, а лгущего человека от правдивого — не умею. Я год назад Хольта не отличил бы, если бы он не рассказал сам.

— Хорошо, что дальше?

— А дальше вот что, — продолжил я. — Если я начну спрашивать, то Мавра, которая ни при чём, будет три дня вспоминать, где она была двадцатого. И Бернат будет вспоминать. И Пим. И каждый из них поймёт, что его подозревали.

Илария молчала.

— Я это уже проходил, — договорил я. — Когда я в декабре не сказал Мавре про Хольта, я решил за неё. Вы мне тогда объяснили, чем это кончается. Я не хочу проверять во второй раз.

* * *

Мавра, всё это время стоявшая у печи, обернулась.

— Мальчик мой, я тебе скажу.

— Говори, я слушаю.

— Ты дурак, — определила она.

— Очень может быть.

— Дурак, — повторила Мавра. — Но дурак правильный, и я тебе вот что скажу при всех.

Она вытерла руки.

— Двадцатого числа я была в доме, топила и месила. Гуша не было до полудня, он был на распиловке с подённым. Пимка спал до шести, я его будила. Бернат уехал в Вельну за скобами и вернулся в ночь.

Она обвела кухню глазами.

— Ну, кто следующий? — потребовала она.

* * *

Первым, кстати, я подозревал Фойта и первому же ему об этом сказал.

Он приехал через два дня с верёвками, и я вышел к нему во двор и выложил всё: следы, сапоги без подковки, круг у камня, тропу через пруд.

И то, что он у меня был в списке.

Фойт выслушал, не перебивая, потом свалил мотки на землю и сел на них.

— Барон, а вы почему мне это рассказываете?

— Потому что вы у меня в списке.

— Это я понял, — не принял он. — Я спрашиваю: почему вы мне это говорите, а не молчите и не смотрите за мной?

Я подумал.

— Потому что если я начну смотреть, я перестану вас звать, — отозвался я. — А вы мне нужны.

Фойт помолчал.

— Барон, я в сосняк за прудом не хожу, — доложил он. — С прошлого апреля, как вы его почистили. Раньше ходил, там ночевал иногда, когда с болота поздно шёл.

— А после апреля?

— А после апреля не хожу, потому что там теперь голо, — уточнил он. — Ловчий не спит на открытом.

Он поднялся.

— И вот что я вам скажу напоследок, — добавил он. — Вы правильно сделали, что сказали. Барон, я в этом уезде двадцать три года, и меня двадцать три года подозревают, и это, поверьте, нормально. А вот в лицо мне об этом сказали второй раз в жизни.

— А первый когда?

— А первый — Хольт, в семьдесят восьмом, — отозвался Фойт. — И он тогда тоже был неправ.

* * *

Отчитались все.

Не потому, что я велел, — я не велел и попытался остановить на третьем, и меня не послушали.

Гуш: на распиловке до полудня, потом в шестом дворе, ночевал в конюшне, потому что телилась коза.

Пим: спал до шести, обход в семь, потом весь день с кисейницей, вечером журнал.

Бернат: Вельна, скобы, вернулся в ночь, чему есть свидетель — целовальник, у которого он ужинал, и Бернат назвал его по имени.

Илмет тоже этого сделать не мог, ибо за него вступилась Мавра, которая рассказала, что паренек все время был у нее на виду и ушел спать в одно время с Пимом.

И только когда все закончили, я понял, что у меня самого алиби нет.
Двадцатого ночью я сидел в кабинете один и писал письмо Кричу.

* * *

Илария подошла ко мне вечером, когда все разошлись.

— Тобиас, вы это заметили?

— Что у меня нет свидетеля? Заметил.

— И что вы про это думаете?

— Что это очень хорошо, — отозвался я. — Илария, если бы у меня было алиби, я бы сегодня чувствовал себя честнее остальных. А так мы все в одинаковом положении, и это, пожалуй, единственный способ прожить эту весну и не перессориться.

Она долго молчала.

— Знаете, что самое странное? — уточнила она наконец.

— И что же?

— Что вы сейчас сказали ровно то, что сказала бы Мавра, — отозвалась Илария тен Овеск. — Только длиннее и с обоснованием.

Глава 8

Э. Веккель приехал двенадцатого мая, без предупреждения, в одиночку и верхом.

Я узнал об этом от Пима, который прибежал с ворот и доложил по форме. К маю он выучился докладывать именно так и делал это с явным удовольствием.

— Господин Тобиас, человек у ворот. Один, верхом, при бумагах.

— Что за бумаги при нём?

— Не показывал, — уточнил Пим. — Но у него сумка через плечо, и он её придерживает.

— А как он выглядит?

— Лет пятидесяти, в тёмном, без знаков.

Я отложил перо и посидел секунды три.

— Пим, запиши в хозяйственный журнал: двенадцатое мая, около полудня, прибыл посетитель. И оставь место, я допишу имя.

* * *

Он ждал у ворот и не входил, хотя ворота стояли открытыми с апреля.

Лет пятидесяти с небольшим. Ни толст, ни худ. Одежда тёмная, дорожная, хорошего сукна, без единого знака различия. Конь под ним был служебный — я это определил по клейму на упряжи, потому что за полтора года выучился читать клейма, как читают почерк.

— Барон дан Реннел?

— Он самый, к вашим услугам.

— Веккель, Королевская порталная служба, отдел внештатных переходов.

Он слегка наклонил голову.

Я стоял и молчал секунды две дольше приличного.

— Прошу в дом, я вас провожу.

— Благодарю, — отозвался Веккель. — Сперва я хотел бы посмотреть переход. Если позволите.

* * *

К восьмому камню мы шли молча, и я за эти четыреста шагов успел передумать примерно всё.

Он не привёз предписания. Он приехал один. Он попросил разрешения — «если позволите», — хотя по уставу мог не просить.

Реннел, — заговорил Кеша с моего плеча. — Перестань выстраивать версии, — произнес дракон с которым, пока мы шли, я успел поделиться каждой из них.

— Ксаверий, он приехал один.

Он приехал один, и это единственное, что мы про него знаем. Всё остальное ты сейчас выдумаешь.

У камня Веккель остановился шагах в трёх.

Постоял. Приложил ладонь — не сразу, а помедлив, как прикладывают к чужой печи.

И сказал вещь, от которой я растерялся окончательно.

— Он у вас горячий.

— Горячий с середины марта, — подтвердил я.

— Барон, вы понимаете, что вы сделали?

Слова Веккеля, признаться честно, на несколько секунд поставили меня в тупик, ибо я не знал, что ему ответить.

— Я восстановил проходы, — выдавил я из себя.

Веккель убрал руку.

— Вы не восстановили проходы, — не согласился он. — Вы поставили остывающую тропу обратно на ход. Барон, за сто двадцать лет службы это делали дважды, и оба раза это делала корона, комиссией, с бюджетом и с провалом.

— Я этого не знал.

— Разумеется, не знали, — согласился Веккель. — Иначе бы не взялись.

Он обошёл камень кругом, разглядывая протаявшую землю.

— Расскажите, — велел он.

* * *

Я рассказывал час.

Про мор. Про соль. Про цикл. Про сход семи кочевий. Про три бесплатные ходки, которыми оплатил чужую очередь.

Он слушал, не перебивая, и записывал в книжечку — так же, как Крич, только почерк был другой, и я поймал себя на том, что смотрю на его руки и жду, что он выронит перо.

Он не выронил.

— Три ходки, — повторил он, когда я закончил. — Шестьдесят с чем-то золотых.

— Шестьдесят четыре по расчёту.

— И вы отдали их за то, чтобы семь кочевий возили соль на два дня дальше.

— Отдал, и не жалею.

Веккель закрыл книжечку.

— Барон, это лучшее вложение в коронный переход за всё время, что я служу, — отозвался он. — И я говорю это как человек, который двадцать три года подписывает сметы.

* * *

По дороге от камня к дому Веккель задал ещё три вопроса, и все три были не о том, о чём я ждал.

— Барон, сколько у вас работников?

— Семеро, считая двух подённых.

— На полторы тысячи десятин.

— На полторы тысячи десятин, — подтвердил я.

Он шёл, глядя под ноги.

— В моём отделе одиннадцать смотрителей на девяносто четыре перехода, — сообщил он. — Из них четверо старше шестидесяти. Барон, я вам это говорю не для жалобы, а для сведения: вы не единственный, у кого всего мало.

— Магистр Веккель, а сколько переходов действующих?

— Из девяноста четырёх — шесть, — отозвался он. — Считая ваш.

Я остановился.

— Шесть на всё королевство?

— Шесть, — подтвердил Веккель. — Барон, семьдесят лет назад их было девятнадцать. Тридцать лет назад — одиннадцать. Сейчас шесть.

Он тоже остановился.

— И вот теперь второй вопрос, ради которого я это сказал, — продолжил он. — Ваш прогредся. Скажите мне честно, как вы думаете: это ваша заслуга или везение?

Я подумал.

— Наполовину везение, — отозвался я. — Мне повезло, что причина была на той стороне и что её можно было устранить. Если бы у меня вымерли кисейницы, я бы ничего не сделал.

— А вторая половина?

— А вторая половина — журналы, — уточнил я. — Магистр, я узнал про остывание на третьи сутки, потому что пятнадцатилетний мальчишка трижды в день записывает ширину протаявшего круга. Без этого я бы заметил в феврале.

Веккель молчал шагов двадцать.

— Барон, — заговорил он наконец. — Я двадцать три года подписываю сметы на восстановление переходов. Мы тратим тысячи. Мы ставим комиссии. Мы возим приборы, которых шестнадцать штук на королевство.

Он посмотрел на меня.

— А надо было завести журнал и мальчика, — произнес он и я хмыкнул, потому что его слова меня совсем не удивили.

Такое частенько случалось и в моем родном мире.

* * *

Обедали в малой гостиной, и Мавра подавала лично.

Она делала это молча и с таким лицом, что я минут десять ждал, когда она уронит на гостя супницу. Она не уронила.

Веккель поблагодарил её по имени.

Не «сударыня», не «любезная» — «благодарю вас, Мавра», и это означало, что он знал имя моей домоправительницы до того, как приехал.

Я это отметил.

— Магистр Веккель, у меня к вам вопрос.

— Задавайте ваш вопрос, барон.

— Зачем вы сюда приехали?

Он отложил ложку.

— По трём причинам, — отозвался он. — Первая: я обязан лично осматривать переходы, где произошло изменение состояния. Ваш остыл в декабре и прогрелся в марте. Это изменение состояния дважды за квартал, и по уставу я должен приехать.

— И устав обязывает вас ехать зимой?

— Устав меня обязывает приехать в течение полугода, — уточнил Веккель. — Я приехал через пять месяцев, что в пределах.

— А какая вторая причина?

— Вторая: я отказал магистру Хольту во внеочередном выезде в декабре, — доложил он. — И хотел посмотреть, чего это стоило.

Я поставил кружку.

— Вы знаете, что я об этом знаю.

— Знаю, разумеется. Магистр Хольт указал в рапорте, что отказ подписан мной, и сообщил вам об этом письмом. Он был обязан указать и не был обязан сообщать. Он сообщил.

— И вы его за это наказали?

— Ничем не наказал, — не понял вопроса Веккель. — Барон, он поступил в рамках. Он не разгласил ни одного служебного сведения, он сообщил вам, кто подписал отказ. Держатель имеет право это знать.

Он помолчал.

— Хотя, если вам угодно моё мнение, он сообщил вам это не потому, что вы имеете право, — добавил он. — А потому, что был на меня зол.

— И вы это спокойно допускаете.

— Барон, я двадцать три года руковожу людьми, которые ходят по мёртвым камням в одиночку по полгода, — отозвался Э. Веккель. — Если я начну взыскивать за злость, у меня останется отдел из меня одного.

* * *

Мавра унесла супницу и вернулась с пирогом, и на этом её терпение кончилось.

Она поставила блюдо, выпрямилась и обратилась к гостю через мою голову.

— Господин Веккель, я вас спрошу.

Я открыл рот.

— Спрашивайте, уважаемая.

Он ответил раньше, чем я успел.

— Вы Хольтова начальника начальник? — потребовала Мавра.

— Я начальник магистра Марека Хольта. И был начальником его отца, пока тот числился в штате.

— Числился, — повторила она. — Значит, теперь не числится.

— Йорген Хольт выведен из штата в феврале по возрасту, с пенсионом в девять золотых в год.

Мавра стояла у стола с полотенцем в руках.

— Девять, — выговорила она.

— Девять. Это установленный размер для третьего разряда, сударыня. Я не могу его увеличить и не могу уменьшить.

— А вы его видели? — не отступила она.

— Ни разу за двадцать три года, — отозвался Э. Веккель. — Он смотритель внештатных переходов. Такие в столицу не ездят, а я не езжу к ним.

Мавра помолчала.

— Так вы про него ничего и не знаете, — определила она.

— Я знаю про него всё, что есть в делах. Триста девять отчётов о промерах за тридцать два года. Ни одного пропуска. Ни одной ошибки в счёте. Барон, если вам интересно моё мнение как чиновника, — он повернулся ко мне. — Это лучший смотритель, какой был у службы за мою память.

— А как не чиновника? — спросила Мавра.

Веккель посмотрел на неё.

— А как не чиновника, уважаемая, — отозвался он. — Я двадцать три года подписывал ему листы на промер и ни разу не задался вопросом, зачем человеку тридцать лет мерить мёртвые камни в одиночку.

В комнате повисла неловкая тишина, поэтому я решил сменить тему:

— А третья причина? — спросил я.

Он вытер руки салфеткой и сложил её вчетверо.

— Третья — та, ради которой я, собственно, ехал, — произнес он после небольшой паузы. — Барон, я хочу знать, кто написал вам письмо про два входа.

В гостиной стало очень тихо.

Мавра, стоявшая у двери с пустой супницей, не шевельнулась.

— Про какое именно письмо? — спросил я.

— Про то, что появилось у вас в запёртом кабинете между двенадцатым февраля и вашим возвращением. — Одна строка, канцелярский почерк, без подписи.

Я молчал.

— Барон, я вас не ловлю, — продолжил он, не повышая голоса. — Я знаю про письмо, потому что такое же получил я. В марте. В своём кабинете, который запирается на два оборота и охраняется.

* * *

Он достал из сумки лист и положил на стол между приборами.

Я взял.

Тот же формат. Тот же почерк. Одна строка.

«Начальнику отдела следует знать, что переход, за который он отвечает, имеет два входа».

— Слово в слово, кроме первого, — определил я.

— Кроме первого слова, — подтвердил Веккель. — Мне — «начальнику отдела». Вам — «держателю».

— А откуда вы знали, что мне такое пришло?

— Я и не знал, — отозвался он. — Я Предполагл. Барон, если вы получили другое письмо или не получали никакого, скажите это сейчас, и я извинюсь и уеду.

Я думал секунд десять.

Потом встал, сходил в кабинет и принёс свой лист.

Мы положили их рядом, и Веккель разглядывал оба минуты три.

— Одна рука и одно перо, — определил он наконец.

— А перо вы как разглядели?

— По нажиму на выносных.

Он показал кончиком ножа, не касаясь бумаги.

— Смотрите: у обоих в слове «переход» одинаковый разрыв на «х». Это дефект расщепления. Перо чинили одним движением и им же писали оба.

— То есть писали их в один присест.

— Или в один день. Барон, я двадцать три года читаю бумаги. Это единственное, что я умею хорошо.

Он отодвинулся от стола.

— А теперь скажите мне, что вы нашли.

* * *

Я решал, отвечать или нет, ровно две секунды.

Потом сообразил, что решать нечего: он приехал один, без предписания, показал своё письмо первым и не потребовал моего.

— Я нашёл камень за прудом, в сосняке. Врытый, серый, горячий. В реестре не значится.

Веккель очень медленно положил нож.

— Вы сказали — горячий, — повторил он.

— Горячий с марта, и, судя по всему, был горячим всё это время.

— Сколько от него до кольца?

— Полторы версты по прямой.

— Барон, — заговорил Э. Веккель, и голос у него первый раз за весь день изменился.

— Отведите меня туда сейчас.

* * *

Дошли за полчаса.

Он шёл быстро, для своих пятидесяти с лишним даже слишком быстро, и на середине сосняка вдруг остановился и стал разглядывать ветки.

— Это у вас метки?

— Дёготь — старые обломы, мел — свежие. Считал мой наблюдатель, сто девяносто четыре штуки.

— Наблюдатель — это мальчик, которого я видел у ворот?

— Он самый, зовут Пимом.

Веккель кивнул и пошёл дальше.

У камня он простоял, наверное, минут двадцать, и я его не торопил.

Он приложил ладонь. Обошёл кругом. Присел, потрогал землю в протаявшем круге. Достал книжечку и записал.

Потом выпрямился.

— Барон, у меня к вам просьба, и она вам не понравится.

Чего-то такого примерно я и ждал.

— Слушаю вашу просьбу.

— Не сообщайте о нём в службу.

Я, кажется, переспросил, потому что он повторил.

— Не сообщайте. Ни рапортом, ни через палату, ни устно.

— Магистр Веккель, вы начальник отдела внештатных переходов.

— Именно поэтому и прошу.

— Объясните, я не понимаю.

Он посмотрел на камень.

— Барон, если вы сообщите официально, рапорт пойдёт через мой отдел и ляжет ко мне на стол. Я обязан буду дать ему ход. Ход означает комиссию, комиссия означает обследование, обследование означает, что через два месяца о существовании тринадцатого камня будет знать восемьдесят человек.

— И чем это плохо?

— То, что один из них уже знает, — отозвался Веккель. — И написал нам обоим.

* * *

Обратно шли не сразу.

Веккель попросил четверть часа и провёл её, обходя прогалину по краю — медленно, глядя под ноги, как ходят землемеры.

Потом остановился у того самого вытоптанного круга в трёх шагах от камня. Круг за два месяца оплыл и зарос, но был ещё виден.

— Барон, что это?

— Он тут стоял, — доложил я. — Двадцатого марта, ночью. Час или два.

— Стоял и не входил.

— Не входил, — подтвердил я. — Он пришёл со стороны дома и ушёл туда же.

Веккель присел и посмотрел на круг сбоку, почти прижавшись щекой к земле.

— Барон, у меня к вам вопрос как к зверодоктору, — заговорил он, не поднимаясь.

— Я не зверодоктор, я зоотехник.

— Тем лучше, — не принял он поправки. — Скажите: когда зверь стоит у чего-то час и не подходит ближе, что это значит?

Я подумал.

— Это значит одно из двух, — отозвался я. — Либо он боится подойти. Либо он ждёт, когда оттуда выйдут.

Веккель поднялся и отряхнул колени.

— Вот и я так думаю, — подтвердил он, а я в этот момент подумал вот о чем - неужели он знает значение слова "зоотехник", или же он просто был так увлечен другим, что просто проигнорировал мое уточнение.

И мне очень хотелось думать, что это был второй вариант.

* * *

Мы шли обратно молча половину пути.

— Магистр Веккель, один вопрос.

— Слушаю вас, барон.

— Вы понимаете, о чём меня просите? — уточнил я. — Вы просите держателя нарушить устав.

— Я прошу держателя не совершать действия, к которому его пока не обязывает устав. Барон, тринадцатый камень не значится в реестре. Обязанность сообщать возникает в отношении переходов, находящихся во владении. Незарегистрированный камень формально не переход.

Я остановился.

— Это моя формулировка, — выговорил я.

— В каком смысле ваша?

— В прямом, дословно моя, — подтвердил я. — Я её произнёс у себя в кухне в марте, при шести свидетелях, и это единственное место, где она звучала.

Веккель тоже остановился.

И вот тут я увидел, как он на секунду перестал быть чиновником.

— Барон, повторите, пожалуйста, точно, — заговорил он совсем другим тоном. — Когда и при ком.

* * *

Я повторил.

Девятнадцатое марта, вечер, кухня. Присутствовали: я, Мавра, Пим, Гуш, Бернат, Илмет и Илария тен Овеск.

Восемь человек.

Веккель слушал, глядя в землю.

— И вы уверены, что никому не писали этой формулировки?

— Уверен. Кричу я писал про журнал выдачи. Про камень — ни строки, никому.

— Тогда у нас с вами два варианта, барон. Либо один из шести пересказал ваши слова тому, кто пишет письма.

— А какой второй вариант?

— А второй тот, — уточнил он. — Что тот, кто пишет письма, был в вашей кухне девятнадцатого марта.

* * *

Перед отъездом Веккель попросил показать ему хозяйство.

Не переход — хозяйство: дворы, зимовник, склад, карантинный двор.

Я водил его час, и он смотрел не как чиновник, а как человек, который что-то ищет и не говорит что именно.

У карантинного двора он остановился надолго.

— Барон, вы его поставили по уставу?

— По уставу. Отдельный вход, отдельная посуда, отдельный инструмент, двадцать один день.

— И сколько раз вы им пользовались?

— Дважды, — доложил я. — Кисейник в позапрошлом году и копунья тогда же.

— Значит, за два года дважды, — задумчиво произнес Веккель.

— Верно, — подтвердил я. — Магистр, я знаю, что это выглядит расточительством. Двадцать два золотых на постройку, которая простаивает.

Веккель посмотрел на меня.

— Барон, — заговорил он. — Я в семьдесят четвёртом закрывал переход в Ольмерском уезде. Тот самый, из-за которого написан пункт восемнадцатый.

Я замолчал.

— Там было наоборот, — продолжил он. — Держатель был человек хозяйственный и рассудил, что двор простаивает. Разобрал и пустил доски на конюшню.

— И чем это кончилось?

— И через полтора года он завёз оттуда животное, — уточнил Э. Веккель. — Уезд потерял восемь тысяч голов, а держатель — всё, включая имя.

Он ещё раз обошёл двор по периметру.

— Барон, покажите мне ваши записи по выдержке.

Я принёс.

Он читал их двадцать минут — сорок два листа за два случая, с ежедневными отметками, с весами, со стулом, с поведением.

Потом закрыл и вернул.

— Можно я сниму с них копию?

— А зачем она вам нужна?

— Затем, что я двадцать три года не могу объяснить своим держателям, как это ведётся, — отозвался Веккель. — А тут написано черным по белому.

* * *

Он уехал в тот же вечер, отказавшись ночевать.

Мавра пыталась настоять, и это был единственный раз за день, когда Веккель ей не уступил.

— Уважаемая, благодарю вас, но мне нужно быть в Вельне до темноты.

— До темноты не успеете.

— Тогда после темноты, — не принял он возражения. — Мавра, у меня в сумке два письма без подписи, и я не хочу спать в доме, где одно из них появилось.

Она отступила, а я проводил его до ворот.

— Магистр Веккель, последний вопрос.

— Задавайте, барон.

— Вы приехали один. Без предписания, без сопровождения, никого не предупредив.

— Это не вопрос, — заметил он, разбирая поводья.

— Вопрос вот: кто в службе знает, что вы здесь?

Веккель помолчал.

— Никто, — отозвался он наконец.

— И это нормально для начальника отдела?

— Это ненормально совершенно, — согласился Э. Веккель. — Барон, я двадцать три года не делал ничего, что не записано в моём же расписании. Сегодня я это сделал впервые и, признаться, спал плохо всю неделю до отъезда.

Он сел в седло.

— И вот что я вам скажу напоследок, — добавил он, глядя на меня сверху. — Я приехал к вам потому, что вы единственный держатель в моём отделе, который за полтора года ни разу не попросил у службы денег.

— А так можно было? — слегка удивился я.

— У службы их нет, — ответил Веккель. — Но остальные всё равно просят.

Он тронул коня и, отъехав шагов на десять, после чего обернулся.

— Барон. Письмо у себя не храните.

— А где мне его хранить?

— У кого-нибудь за пределами Урочища, — распорядился он. — И не у стряпчего, у стряпчих смотрят первым делом.

* * *

Ночью я не спал и перечитывал список.

Шесть человек, бывших в кухне девятнадцатого марта.

Мавра. Сорок восемь лет в доме. Носит ключ на шее. Читать умеет — сама сказала в прошлом году. Писать умеет тоже.

Пим. Пятнадцать лет. Почерк я знаю наизусть, он не похож.

Гуш. Не пишет вовсе. Это я знаю точно, потому что подписывается в племенной книге крестом, и мы с ним об этом говорили.

Бернат. Пишет печатными, медленно.

Илмет. По-нашему не пишет ни строки.

Илария. Почерк знаю, не похож.

И седьмой я.

Оставался ровно один человек, у которого канцелярский почерк, доступ в кабинет и ключ на шее.

Я просидел с этой мыслью до четырёх утра, а потом встал, спустился в кухню и сделал единственное, что мог сделать, не потеряв себя.

Мавра уже растапливала.

— Мавра, у меня к тебе просьба, и она дурацкая.

— Ну, говори свою дурацкую.

— Напиши мне на листе одну фразу, — попросил я. — Своей рукой, как пишешь приходные списки.

Она выпрямилась.

Посмотрела на меня секунды три и, по-моему, поняла всё раньше, чем я объяснил.

— Диктуй, — распорядилась она.

Я продиктовал.

Она написала — крупно, с наклоном влево, теми же буквами, какими вела списки сорок лет, и почерк был не тот и близко.

Я стоял и смотрел на этот лист, и мне было стыдно так, как не было ни разу за два года.

— Мавра, прости меня за это.

— За что прощать-то? — не приняла она и забрала у меня перо. — Ты проверил и успокоился. Дурак был бы, если б не проверил и мучился.

Она сунула лист в печь.

— Только вот что, мальчик мой, — добавила Мавра, не оборачиваясь. — Ты у остальных тоже проверь. У всех. А то выйдет, что ты одну меня подозревал.

* * *

Прежде чем отдать письмо, я его переписал.

Своей рукой, слово в слово, и копию оставил у себя в приходной книге между листами — не пряча, а просто вложив.

Это придумал Кеша, и сделал он это в своей манере.

Реннел, ты собираешься отдать единственный экземпляр.

— Веккель велел не держать у себя.

Веккель велел не держать у себя оригинал, — уточнил дракон. — Он ничего не говорил про копию. Реннел, ты сорок лет проживёшь в мире бумаг и до сих пор не понял главного: бумага, существующая в одном экземпляре, не существует.

— Ксаверий, а если найдут копию?

Найдут копию — узнают, что ты знаешь про два входа, — согласился он. — А они и так это знают, они тебе сами и написали. Реннел, копия ничего не выдаёт. Она только не даёт им сделать вид, что письма не было.

* * *

Я отдал письмо Иларии через два дня.

Она положила его в тот же сундук, где держала счета, и на мой невысказанный вопрос ответила прежде, чем я успел его задать.

— В аптеке, Тобиас, — уточнила она. — В сундуке, который я двенадцать лет вожу с собой и от которого у меня один ключ. Если кто-то полезет туда, я узнаю по запаху.

Глава 9

Про то, что я собирался проверять почерки всех, я объявил заранее.

Так велела Мавра, и она была права: одно дело собрать образцы тайком и потом объяснять, зачем ты рылся в чужих бумагах, и совсем другое — сказать вслух, что будешь смотреть.

Объявил я это за завтраком, в двух фразах, и реакция вышла не та, которой я ждал.

Никто не обиделся.

Бернат отложил ложку и уточнил, надо ли писать печатными или как получится.

Пим спросил, войдёт ли это в его журнал.

Гуш сообщил, что не пишет, и предложил, если надо, поставить крест при свидетелях.

А Илария, приехавшая в тот день, положила передо мной на стол свою книжечку с записями за двенадцать лет и подвинула, не сказав ни слова.

— Илария, мне не нужна вся книжка.

— Вам нужен образец, который я не могла подделать заранее, — не согласилась она. — Тут двенадцать лет. Хоть на выбор берите.

Я взял и вернул через час, и она даже не проверила, все ли страницы на месте.

* * *

Образцы я собирал одиннадцать дней и собрал их так, что никто не понял, зачем нужна девятая графа.

Способ придумала Илария, и способ был издевательски простой.

— Тобиас, вам нужны почерки восьми человек. Заведите девятую графу.

— Какую ещё графу?

— В племенной книге. У вас там третья графа «кто наблюдал», и её заполняют трое: вы, Пим и Гуш крестом. Заведите ещё одну, для пометок наблюдателя. И объявите, что заполнять её обязаны все, кто в этот день был у зверя.

— Илария, но Бернат у зверя не бывает.

— Бернат чинит кормушки. Пусть записывает, что чинил. Тегиш ушёл, Илмет пишет по-своему, а по-нашему выучит к июлю, и вот тогда вы получите его образец законно.

Я так и сделал.

За одиннадцать дней в графе появились: мой почерк, Пимов, Бернатов печатный, крест Гуша, две строки Мавры — она заполнила, когда носила воду в третий двор, — и одна строка Илмета, написанная по-нашему, с четырьмя ошибками в шести словах.

Образец Иларии у меня был давно: её счета, её дозировки, её книжечка.

Ни один не походил на письмо даже отдалённо.

* * *

Про то, зачем вообще нужна была девятая графа, я Пиму объяснил честно, и он отнёсся к этому серьёзнее, чем я рассчитывал.

— Господин Тобиас, а я могу помочь?

— Ты уже помогаешь, ты ведёшь графу.

— Я не про это, — уточнил он. — Я про то, что я почерки помню.

Я отложил перо.

— В каком смысле помнишь?

— Ну я же журналы веду два года, — пояснил Пим. — Я ваш почерк помню, и госпожи тен Овеск, и бабкин. Я их узнаю, даже если без подписи.

— А чужой узнаешь?

— Чужой не узнаю, — признал он. — Но я вам вот что скажу: я за два года видел бумаг от чужих штук сорок. От Дербена, от палаты, от службы, от Кернелей, от той женщины из консорциума.

Он посмотрел на меня.

— И они все у нас лежат, в кабинете, по годам.

Я сидел и очень медленно понимал, что у меня в кабинете два года складывается собрание чужих почерков, которое я ни разу не рассматривал как собрание.

— Пим, у меня к тебе поручение.

— Слушаю, господин Тобиас.

— Достань всё и разложи по отправителям, — распорядился я. — Не читай. Просто разложи.

Он разложил за вечер.

Двадцать девять отправителей, сто с чем-то листов.

Ровные промежутки между словами оказались у семи.

* * *

Разбирали образцы втроём: я, Илария и Кеша, который в разборе почерков оказался полезнее нас обоих.

Реннел, ты смотришь на буквы, — заметил он на второй час. — *Смотри на промежутки.*

— Какие промежутки?

Между словами, — уточнил дракон. — *Буквы человек может выводить как угодно, если постарается. А промежутки он не думает, они у него свои.*

Я померил.

В письме промежутки были ровные, широкие, все одинаковые, до полбуквы.

У Мавры — узкие и разные.

У Пима — широкие, но пляшущие: он к концу строки сбивался и жался к краю.

У Иларии — узкие настолько, что слова местами слипались, и это, по её собственному объяснению, оттого, что она двенадцать лет пишет на коленке при плохом свете и экономит бумагу.

У Берната промежутков не было вовсе: он писал печатными вразрядку, как режут по дереву.

— Ксаверий, у кого ровные?

У писца, — отозвался Кеша. — *Реннел, ровные промежутки — это не свойство руки. Это выучка. Так пишут те, кого учили переписывать набело.*

— И где такому учат?

В канцеляриях, — уточнил Ксаверий Аргентум Третий. — *И в монастырских школах. И, между прочим, в конторах при ростовицких домах, потому что там переписывают векселя.*

* * *

Илмет писал свой первый образец под мою диктовку и мучился так, что мне было стыдно.

Он сидел над листом двадцать минут, высунув язык, и вывел шесть слов с четырьмя ошибками.

— Ксаверий, скажи ему, что это хорошо.

Он не поверит.

— Скажи, что я в его возрасте писал хуже.

Реннел, я знаю откуда ты, как писал и чем, так что не надо, — не согласился дракон. — *Не ври ребёнку, он поймёт по лицу.*

— Тогда скажи правду.

Кеша перевёл.

Илмет выслушал и что-то спросил.

Он спрашивает, сколько времени нужно, чтобы писать как вы.

— Скажи: года четыре.

Он говорит: у него есть четыре года по договору.

Я посмотрел на этого мальчишку, который третий месяц жил в чужом доме, среди чужого языка, и считал сроки по бумаге, которую сам не мог прочесть.

— Ксаверий, скажи ему ещё вот что, — распорядился я. — Скажи, что договор можно продлить, если он захочет.

Реннел, ты сейчас предлагаешь ребёнку то, чего он не может оценить.

— Ксаверий, переведи.

Он перевёл.

Илмет ничего не ответил, но лист с шестью словами убрал не в стол, а за пазуху.

* * *

И что теперь? — осведомился Кеша, когда я разложил все семь листов на столе.

— Теперь я перебираю дальше.

Реннел, ты перебрал всех, кто был в кухне.

— Значит, я перебрал не всех, кто мог слышать, — уточнил я. — Ксаверий, кухня — не запертый ларь. Дверь в сени была открыта, потому что топили. У окна кто угодно мог стоять.

Девятнадцатого марта было минус восемь.

— Час постоять можно.

Дракон помолчал.

Можно, — согласился он. — И вот этого я, признаться, не додумал. Мы с тобой два месяца ищем среди шести, потому что нам удобно делать именно так.

* * *

Прежде чем обходить дом, я решил проверить самое простое: слышно ли вообще из-под окна то, что говорят в кухне.

Проверяли втроём.

Мавра, Пим и Бернат сели за стол и разговаривали как обычно — я велел им говорить про хозяйство, чтобы не подбирали слов.

Я вышел и встал под окном.

Слышно было всё.

Не разборчиво — отчётливо: голоса, слова, интонации. Я простоял четверть часа и потом пересказал им их же разговор с точностью до фраз, включая то, что Бернат сомневается в новом дёгте, а Мавра считает, что кухарка кладёт мало соли.

Мавра, услышав пересказ, села.

— Сорок восемь лет, — выговорила она.

— Что «сорок восемь лет»?

— Я в этой кухне сорок восемь лет говорю всё, что думаю, — уточнила она. — И ни разу не вышла посмотреть, слышно ли снаружи.

Она посмотрела на окно.

— Мальчик мой, а сколько всего под этим окном переговорили?

Я не ответил, потому что ответа не было.

Двести лет.

* * *

Потом я проверил второе: видно ли.

Оказалось, что видно ещё лучше, чем слышно, и вот это меня добило окончательно.

Кухонное окно у нас низкое — оно было прорублено, судя по всему, ещё в старом доме, до перестройки, и подоконник приходится взрослому человеку по грудь. Занавеска, которую Мавра вешала на зиму, была ситцевая, светлая и просвечивала насквозь при свече.

Стоящий снаружи в темноте видел всех сидящих за столом.

Сидящие за столом не видели ничего.

— Бернат, сколько будет забить это окно?

— Барон, оно вам нужно, — не согласился он. — Там свет.

— Тогда что делать?

Он подумал.

— Ставень, — определил Бернат. — Изнутри. Доска и два крюка, полдня работы. Вечером закрыли — и всё.

— А как быть днём?

— А днём вам скрывать нечего, — уточнил он. — Днём тут кухарка и я.

Ставень он поставил на другой день, и Мавра его первые две недели забывала закрывать, а потом привыкла.

И вот этот ставень, поставленный весной, оказался единственным изменением в хозяйстве, о котором я до сих пор жалею.

Не потому, что зря.

Потому что с того дня у нас в доме появилось место, которое надо запирасть.

* * *

Обход вокруг дома дал результат сразу, и это было унижительно.

Под окном кухни, с наружной стороны, между стеной и кустом сирени, земля была утоптана.

Не за один раз. Плотно, слоями, как утаптывают за месяцы.

Гуш присел над этим пятачком и просидел минут десять.

— Кто тут стоял? — потребовал я.

— Не скажу вам. Тут ходили все. Тут дорожка к дровяному сараю в двух шагах.

— То есть это может быть просто тропа.

— Это и есть тропа. Только вот сюда, к самой стене, тропа не идёт. А утоптанно.

Он показал ладонью.

— Стояли лицом к окну. Носками к стене. Пятками наружу.

* * *

Я стоял под собственным окном и очень отчётливо понимал одну вещь.

Что я полтора года считал усадьбу закрытым местом.

У меня был реестр проходящих через камень. У меня был хозяйственный журнал с посетителями. У меня был карантинный двор по уставу и ограда в двести двадцать столбов, законченная в апреле.

И у меня никогда не было учёта того, кто ходит по моей земле.

Полторы тысячи десятин. Четверо работников. Ограда, которая идёт по периметру и в которой пять калиток, потому что иначе людям пришлось бы обходить версту.

— Ксаверий, ты понимаешь, что выходит.

Я знаю, что ты сейчас скажешь.

— Тогда скажи это за меня.

Что твоё Урочище — проходной двор, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — И это правда, и так было все двести лет, и ни один Реннел этого не замечал, потому что до тебя тут не было ничего, что стоило бы красть.

* * *

Дальше я поступил, как поступает человек, у которого кончились догадки.

Я пошёл читать.

Двое суток я сидел в кабинете с Кешинкой подшивкой — той самой, «Записи о состоянии камней», которую Гортензия вытянула из-под шкафа в декабре.

Сорок лет, по строке в год.

В первый раз я читал её ради того, что искал: почему одни камни остывали за одиннадцать суток, а другие за сто девять.

Теперь я читал ради того, чего не искал.

* * *

И нашёл на второй день, в записи за шестьдесят девятый год.
Она была короткая.

«Восьмой. Остыл двенадцатого ноября за одни сутки. Якорь жив (кисейниц две, пара).
Причины не вижу. Приходил Х., смотрел, ушёл. Сказал: не мой».

Я перечитал трижды.

— Ксаверий, подойди сюда.

Что там у тебя.

— «Приходил Х., смотрел, ушёл. Сказал: не мой». Кто такой этот Х.?

Дракон долго молчал.

Хольт, — отозвался он наконец. — Реннел, я записывал сокращённо, потому что ленился, и это, как выяснилось, была не единственная моя ошибка за сорок лет.

— То есть Хольт приходил к остывшему камню в шестьдесят девятом.

Приходил.

— И сказал «не мой».

Сказал, — подтвердил Кеша. — И я это записал и не спросил, что он имеет в виду. Реннел, я тогда не знал, что он в службе. Он ушёл из Урочища в шестьдесят шестом, а в шестьдесят девятом явился на прогалину как ни в чём не бывало, посмотрел на камень и ушёл. Я решил, что он приходил проститься с местом.

* * *

Веккелю я написал в тот же день и составлял письмо четыре часа.

Трудность была в том, что писать приходилось человеку, который сам попросил ничего не сообщать в службу, и всякая бумага, которую он получит, ляжет ему на стол как начальнику отдела.

Выход придумала Илария, и придумала она его мгновенно.

— Пишите не в службу. Пишите ему домой.

— Илария, я не знаю его адреса.

— Знаете, — не согласилась она. — Вы же записывали посетителя в хозяйственный журнал. Что вы там написали?

Я вспомнил.

«Двенадцатое мая, около полудня, прибыл посетитель. Э. Веккель, Королевская порталъ-ная служба. Убыл в тот же день в Вельну».

— В Вельну, — повторил я.

— В Вельну, — подтвердила Илария. — Тобиас, он уехал на ночь глядя, чтобы быть в Вельне до темноты. Значит, он там ночевал. Значит, его там кто-то видел. Вельна — четыре тысячи душ и три постоянных двора.

Я послал Пима.

Пим вернулся на другой день с ответом: Э. Веккель ночевал у Кернелей.

Не на постоялом дворе. В ростовщическом доме Кернель, где я год назад просил пере-кредитования и где мне отказали.

* * *

Я сидел с этим сведением полдня.

Потом достал третий образец почерка — не человеческий, а тот, что лежал у меня с прошлой осени.

Расписку конторщика дома Кернель, выданную мне в подтверждение того, что моё дол-говое обязательство уступлено консорциуму «Солнечный Кряж».

Промежутки между словами были ровные.

Все до одного, до полбуквы.

— Ксаверий, посмотри на промежутки.

Вижу их прекрасно.

— Ксаверий, это ведь ничего не значит. Ты сам сказал: так пишут все, кого учили переписывать набело. В конторе Кернель таких писцов десяток.

Я это и говорю, — согласился Ксаверий Аргентум Третий. — Реннел, ты сейчас держишь в руках не улику. Ты держишь в руках направление.

* * *

Ответ Веккеля на моё письмо про Кернелей пришёл через двенадцать дней и был предельно короток.

«Барон.

Я ночевал у Кернелей потому, что дом Кернель второй год ведёт расчёты службы по вельненскому округу. Это единственная контора в четырёх уездах, имеющая право на казённые платежи.

Ваш вопрос был уместен. Ответ вас, вероятно, разочарует.

Э. Веккель».

Я разочаровался.

А Кеша — нет.

Реннел, он ответил не на тот вопрос, который ты задал.

— Я спросил, почему он там ночевал.

Ты спросил, почему начальник отдела внештатных переходов ночует в ростовицическом доме, — уточнил дракон. — А он ответил, почему служба ведёт там расчёты. Это разные вещи, и он это знает.

— Ксаверий, ты придираешься.

Возможно, — согласился Ксаверий Аргентум Третий. — И всё же запиши: дом Кернель второй год ведёт казённые платежи по округу. Реннел, это значит, что через контору Кернель проходят деньги службы. Все.

Я записал.

И приписал ниже вопрос, ответа на который у меня не было ещё год:

«Кто в конторе Кернель видит, куда служба тратит деньги?»

* * *

А затем у меня произошла интересная встреча с Хольтом, которого в урочище не было довольно долго.

Я показал ему строку, где было написано про "не мой".

Он прочёл и очень долго молчал.

— Помню эту запись.

— Что вы имели в виду под «не мой»?

Старик поставил кружку с чаем на стол и тяжело вздохнул.

— Барон, я тогда третий год служил, — заговорил он. — Мне выдали лист на промер и в нём было четырнадцать камней по всему королевству. Не по Реннельскому — по всему. Мои камни. Я их обходил по кругу два раза в год.

— И восьмой в него не входил.

— Восьмой был не мой. Он в моём листе не значился, потому что он был живой, а я смотритель внештатных. Живыми занимался другой отдел.

— Тогда зачем вы пришли?

— Потому что он погас. Двенадцатого ноября. А я узнал об этом четырнадцатого, в Кальцах, за двести вёрст.

Я несколько секунд переваривал услышанные мною слова.

— А как вы узнали за двести вёрст?

— Мне об этом сказали.

— Кто вам сказал?

— Этого я не знаю, — ответил Хольт. — Барон, я был на постоялом дворе в Кальцах, ждал попутной телеги. Ко мне подошёл человек и сказал: восьмой камень Реннельского перекрёстка погас позавчера, вам это наверное, интересно. И ушёл.

— И вы его не запомнили?

— Лет тридцати, в тёмном, — доложил старик. — В тёмном. Без знаков. Барон, я тридцать лет об этом думаю и вот что вам скажу: я его тогда не запомнил как следует, потому что мне и в голову не пришло, что это важно.

Я сидел и складывал.

— Йорген, а в семьдесят первом, в столице, среди тех троих...

— Писарь, — договорил за меня Хольт. — Молодой, лет двадцати пяти, который единственный на меня посмотрел.

— Это мог быть один и тот же человек?

Старик очень долго молчал.

— Мог быть. Барон, я не скажу «да». Прошло тридцать лет, и человек в тёмном без знаков — это в столице каждый третий. Но, вообще мог.

* * *

Мавра всё это время стояла у печи и вмешалась только раз.

— Йорген, я тебя спрошу.

Он повернул голову.

— Ты в шестьдесят девятом был тут, — определила Мавра. — На прогалине. В трёх верстах от дома.

— Был на прогалине, всё верно.

— И к дому не зашёл.

Он молчал.

— Я не в укор, — обронила Мавра, не поворачиваясь. — Я к тому, что если б ты зашёл, я бы тебя не пустила. Я тогда ещё не отошла. Так что правильно, что не зашёл.

Она помешала что-то в печи.

— А в семьдесят первом?

— В семьдесят первом я был в столице, — отозвался Йорген Хольт.

— А в семьдесят третьем?

Старик поднял голову.

— Мавра, не надо, — выговорил он.

— Я считаю годы, — не приняла она. — Я их тридцать лет считаю, мне нетрудно. Ты был тут в шестьдесят девятом и не зашёл, и это правильно. А потом ты тридцать лет мерил камни по всему королевству и мимо этого дома ходил, я думаю, раз двадцать.

Она наконец обернулась.

— Я спрашиваю не «почему не зашёл», — уточнила Мавра. — Я спрашиваю: ты хоть раз стоял под окном?

* * *

В кухне сделалось так тихо, что стало слышно, как в сенях скребётся кто-то из мунликов, забравшийся туда за ложками.

Йорген Хольт смотрел в стол.

— Стоял, было такое дело.

— И часто ты там стоял?

— Я их никогда не считал.

— А ты посчитай, — потребовала Мавра.

Он подумал.

— Раз восемь, — доложил он. — За тридцать лет. Всегда зимой, всегда ночью, всегда после того, как гас свет.

— Значит, после того как погасят, — повторила она.

— После. Мавра, я не хотел, чтоб ты меня видела.

* * *

Я сидел между ними и молчал, потому что говорить тут было нечего и не мне.

Мавра вытерла руки о передник — раз, потом второй, потом третий, хотя они были сухие.

— Дурак ты, Йорген, — определила она наконец.

— Дурак и есть, чего уж.

— Восемь раз за тридцать лет, — повторила она. — Йорген, я тебе последние двенадцать лет лампу на подоконник ставила. Каждую ночь.

Он поднял голову.

— Зачем ты её ставила?

— А я и не знала зачем. Я сама себе говорила: чтоб Пимка ночью не убился, если во двор пойдёт. Двенадцать лет так себе говорила.

Она села к столу — впервые за весь вечер.

— Так что мы с тобой оба дураки, — договорила она. — И это, если хочешь знать, единственное, что у нас с тобой осталось общего.

* * *

Я вышел из кухни и просидел на крыльце до рассвета.

Кеша сидел рядом на подоконнике и молчал, и я был ему за это благодарен.

Под утро он всё-таки заговорил.

Реннел, я обязан сказать одну вещь, и она всё портит.

— Говори, уж чего там.

Тот, кто сообщил Хольту в Кальцах о погасшем камне, знал об этом через двое суток, за двести вёрст.

— Я это уже заметил.

В шестьдесят девятом, — уточнил Ксаверий Аргентум Третий. — Ни телеграфа, ни почты быстрее конной. Двести вёрст — это трое суток галопом с заводными.

Я поднял голову.

— То есть он знал раньше, чем это случилось.

Или он был здесь, когда это случилось, — отозвался дракон. — И поехал в Кальцы сообщать, потому что знал, куда ехать и кого там ждать.

* * *

Мавра в ту ночь не легла вовсе.

Я это узнал утром, когда спустился: она сидела за столом, в шали поверх ночного, и перед ней стояла нетронутая кружка.

— Мавра, ты спала?

— Не спала я нынче.

— Это из-за него?

— Из-за себя, — не приняла она. — Мальчик мой, я всю ночь сидела и пересчитывала двенадцать лет.

Я сел напротив.

— Я эту лампу двенадцать лет ставила и двенадцать лет себе врал, — продолжила Мавра, глядя в кружку. — И вот что мне обидно: не то, что он приходил. А то, что я себе врал и знала, что вру.

— Мавра, ты этого не знала.

— Знала, — отрезала она. — Мальчик мой, я не дура. Я сорок восемь лет в этом доме и всё про всех знаю. Я про себя одну не знала, и то потому, что не хотела.

Она наконец отпила.

— И вот ещё что, — добавила она. — Ты вчера сидел и молчал, и правильно делал. А теперь я тебе скажу, и ты меня послушай.

— Слушаю тебя внимательно.

— Не жалею его, — распорядилась Мавра. — Он этого не вынесет. Он тридцать лет носил при себе бумагу, за которую его повесили бы, и не жаловался ни разу. Ты его пожалеешь — он больше не придёт.

— А что мне делать?

— Что и делал, — отозвалась она. — Спрашивай его про дело. Он на это отвечает.

* * *

Я составил в голове три списка.

Что мы знаем наверняка.

Восьмой камень погас в шестьдесят девятом при живом якоре и погас за одни сутки — так не гаснут.

Через двое суток об этом знал человек за двести вёрст и сообщил Хольту.

Через два года тот же или похожий человек сидел писарем на проверке Хольта в столице и единственный посмотрел на него, когда тот уходил.

Тридцать лет спустя восемь коров, приведённые в одно кочевье из семи, уронили тропу вторично.

И этой зимой кто-то написал два одинаковых письма — держателю и начальнику отдела — на одном пере, в один присест.

Что мы предполагаем.

Что это один человек.

Что ему сейчас под шестьдесят.

Что он не столько скрывает, сколько подталкивает: письма ведь не угрожали, они направляли.

Чего мы не знаем вовсе.

Зачем.

Вот это было хуже всего.

Я сидел и перебирал: деньги, земля, власть, месть, — и ни одно не подходило. Земля неотчуждаема. Денег на этом не сделать: тропа даёт три с половиной сотни в год, а на диверсию ушло шестьдесят и тридцать лет ожидания. Мести не бывает такой длинной и такой аккуратной.

— Ксаверий, у тебя есть версия?

Есть, — отозвался он. — И она мне не нравится настолько, что я её месяц не произношу.

— Произнеси, я выдержу.

Он не хочет, чтобы кто-нибудь разжжёг старший камень, — выговорил Ксаверий Аргентум Третий. — Реннел, посмотри на всё, что он сделал, с этой стороны. Он гасит восьмой в шестьдесят девятом. Он присутствует на проверке человека, который нашёл двенадцатый в бумагах. Он тридцать лет молчит. А как только твой камень заработал и к тебе начали ездить из службы — он гасит его снова и одновременно пишет двоим людям, что переходов два.

— И что ему это даёт?

Это даёт то, что мы с тобой всю весну смотрим за прудом, — уточнил дракон. — А не в подвале под зимовником.

Глава 10

В подвал мы спустились на другой день после того разговора, вчетвером: я, Гуш, Пим и Кеша.

Илария уехала накануне и должна была вернуться через три дня, и это, как выяснилось потом, оказалось единственным везением той недели.

Подвал стоял нетронутым с апреля прошлого года, когда его обкапывала служба.

Их работу было видно сразу: аккуратная траншея по периметру плиты, засыпанная обратно и утоптанная, бирки на колышках — они их не сняли, — и по левой стене метки углём с промерами.

Я обошёл плиту дважды, светя себе фонарём, и на втором круге понял, что не знаю, что ищу.

— Ксаверий, помоги мне сформулировать.

Ты ищешь то, чего не искали они.

— А что искали они?

Они искали камень, — уточнил дракон. — Реннел, у них было предписание об обследовании старшего камня. Они его обследовали. Они не обследовали подвал.

* * *

Разница оказалась существенной.

Служба работала с плитой: обкопала, обмерила, взяла пробы грунта, записала глубину залегания и состояние.

Никто из них не посмотрел на стены.

А стены в этом подвале, как я выяснил за следующие два часа, были сложены из трёх разных кладок.

Нижняя — та самая дикая, крупная, почти необработанная, на глине, которую Гуш показал мне в прошлом апреле под поленницей. Она шла от пола на высоту примерно в мой рост.

Средняя — тёсанный камень на извести, ровными рядами. От моего роста до свода.

И третья — заплатка в северной стене, шагов трёх в ширину, сложенная из битого камня на цементе, который в Вирлани умеют делать лет сто, не больше.

Заплата была заметно свежее всего остального.

— Гуш, сколько лет этой заплате?

Он поскрёб раствор ногтем, потом подцепил ножом.

— Лет тридцать, — определил он. — Может, сорок.

* * *

Я стоял перед этой заплатой минут пять.

— Ксаверий, ты знал, что тут заделано?

Не знал.

— Ксаверий, ты сто десять лет ходил в этот подвал.

Я сто десять лет ходил в этот подвал к своей кладке в дальнем углу, — не согласился дракон. — Иходил я туда, если ты помнишь, за тем, чтобы что-нибудь оттуда взять и кому-нибудь отдать. Я не разглядывал стены. Реннел, я был занят.

— Ты второй раз за полгода говоришь «я был занят».

Я это заметил, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — И, если тебе интересно, это самая неприятная фраза, которую я про себя узнал за сто восемьдесят пять лет.

* * *

Пим, услышав, что будем разбирать стену, задал единственный вопрос, который следовало задать.

— Господин Тобиас, а обратно как класть будем?

— А зачем её класть обратно?

— Ну если там ничего нет, — пояснил он. — Стену-то заделывать придётся, а Бернат сейчас на крыше.

Я посмотрел на него.

За два года этот мальчишка выучился думать на шаг дальше меня, и делал он это буднично, без всякого торжества, и я до сих пор не понимаю, когда именно это произошло.

— Пим, чертить сможешь?

— Смогу, если линейку дадите.

— Тогда чертишь схему, нумеруешь каждый камень и записываешь, откуда вынут, — распорядился я. — Чтобы можно было сложить обратно тем же порядком.

— А если не тем же?

— Тогда не сойдётся, — отозвался я. — Стена — как кладка яиц: каждый камень лежит там, где лежит, потому что под него подогнаны соседние.

Он записал это в тетрадь дословно, включая сравнение с кладкой, и я потом полгода натыкался на эту строку и всякий раз улыбался.

* * *

Прежде чем трогать заплату, я написал Веккелю.

Не по уставу — просто из головы, потому что уставом это не покрывалось никак.

Письмо вышло на четырёх строках.

«Магистр Веккель.

В подвальном помещении зимовника, в северной стене, обнаружена заложенная камнем ниша, возрастом три-четыре десятка лет.

Держатель намерен её вскрыть.

Прошу указать, обязан ли держатель уведомлять службу о вскрытии кладки в собственном строении».

Ответ пришёл на девятый день и был ещё короче.

«Не обязан.

Э. Веккель».

Кеша, прочитав, издал звук, которого я от него не слышал.

Он хохочет.

— Ксаверий, он написал два слова.

Реннел, он написал два слова, чтобы не написать третьего, — уточнил дракон. — Ты у него спросил, обязан ли ты уведомлять. Он ответил «нет». И теперь он официально не знает, что ты собираешься вскрывать стену, а ты официально его спросил.

— И что в этом смешного?

То, что вы оба это понимаете, — отозвался Ксаверий Аргентум Третий. — Реннел, я сто лет вёл переписку с ведомствами и впервые вижу человека, который умеет отвечать в два слова так, чтобы прикрыть обоих.

* * *

Разбирали заплату два дня.

Не ломали — разбирали, камень за камнем, потому что я велел записывать положение каждого. Пим чертил схему и нумеровал, Гуш вынимал, я принимал и складывал в порядке у противоположной стены.

На сороковом камне Гуш остановился и позвал меня.

— Господин, посмотрите на раствор.

Я посмотрел.

Раствор между камнями шёл ровный, а в одном месте — на высоте моего плеча — был наплыв: комок, вылезший наружу и застывший.

— И что это значит?

— Клали быстро, — определил Гуш. — Кто кладёт неспешно, тот лишнее снимает. А тут не сняли.

— Насколько быстро?

Он подумал.

— Заплата в три шага, — доложил он. — Хороший каменщик кладёт её за день, не торопясь. Этот положил за ночь.

— Он работал один?

— Один, — подтвердил Гуш. — Двое бы не оставили наплыв на одной стороне. Двое кладут навстречу, и наплывы у обоих.

Я записал в блокнот: «Заплата положена одним человеком за одну ночь, тридцать-сорок лет назад. Работал не каменщик».

И приписал: «Кто в шестьдесят девятом умел класть камень?»

Ответ я знал ещё до того, как дописал вопрос, и он мне не понравился.

В шестьдесят девятом в Урочище служил один человек, который умел всё понемногу и ничего до конца: чинил, латал, ставил, копал.

Егерь.

* * *

На семьдесят четвёртом камне открылась пустота.

За заплатой была ниша.

Не проход, не ход, не лестница — ниша шагов в полтора глубиной и в мой рост высотой, вырубленная в материке.

И в ней стоял сундук.

* * *

Мы вытащили его вчетвером, считая Кешу, который руководил.

Сундук был дубовый, окованный, с двумя замками, и весил столько, что Гуш поднимал его один, а мы с Пимом только придерживали, чтобы не задел свод.

Замки я сбил зубилом, потому что ключей не было и искать их было негде.

Внутри лежали бумаги.

Только бумаги — ни монеты, ни украшения, ни оружия. Плотные уложенные пачки, переложённые промасленной тканью, сухие, в отличном состоянии, потому что подвал был сухой, и вот тут я впервые за два года был благодарен тому, кто ставил этот дом.

Сверху лежал лист без пачки.

Я взял его первым.

* * *

Он был написан крупно, старым почерком, с датами и с буквами, которых я сперва не узнал.

«Кто сие найдёт.

Здесь положено всё, что собрано о Реннельском перекрёстке за годы с четырёхста восьмидесят второго по пятьсот двадцать первый.

Собрано мною, Веленом Реннелом, третьим сего имени, владельцем.

Положено сюда затем, что в палате онго не приняли, а в службе сказали, что дела такого нет.

Кто найдёт — да прочтёт прежде, чем что-либо сделает».

И ниже, другим нажимом, приписка:

«Старший камень не разжигать. Я видел, чем это кончается».

* * *

Я сел прямо на пол подвала.

— Ксаверий, ты это видишь?

Я читаю через твоё плечо и молчу, потому что мне нечего сказать.

— Велен Реннел Третий — это кто?

Твой прапрадед, — отозвался дракон. — Тот самый, что получил грамоту. Реннел, он умер за девять лет до моего прихода. Я его не застал.

— А пятьсот двадцать первый — это когда?

Сто девяносто четыре года назад.

Я держал этот лист, сидя на каменном полу, и очень медленно понимал, что вся история, которую мы полтора года собирали по кускам, была написана и сложена в ящик за сто девяносто четыре года до того, как я в неё влез.

И что никто её не прочёл.

* * *

Сундук мы вытащили не сразу.

Сначала я сделал то, чему научился за два года и чего не сделал бы в первый месяц: описал нишу, прежде чем в неё лезть.

Глубина полтора шага, высота в мой рост, ширина три с четвертью. Стены рублены в материке, следы инструмента идут наискось — работал не каменотёс, а землекоп, и работал в тесноте.

Пол ниши на четыре пальца ниже пола подвала.

Пыли на сундуке было столько, что Гуш снял её ладонью в один слой, и под ней крышка оказалась чистой.

— Пим, запиши: пыль однородная, слоёв не различить.

— А это что значит?

— Это значит, что после того, как заложили заплату, сюда никто не лазил, — пояснил я.

— Слоистая пыль бывает там, где её тревожат. Тут её тридцать лет никто не трогал.

Он записал.

— Господин Тобиас, а можно вопрос не по делу?

— Задавай, чего уж там.

— А кто заложил-то? — уточнил Пим. — Ниша старая, а заплата тридцатилетняя. Значит, сундук тут стоял, а стенку заложили потом.

Я остановился.

Он был прав, и он додумался до этого раньше меня во второй раз за неделю.

— То есть его прятали дважды, — договорил я.

— Ну да, — согласился Пим. — Первый раз положили, второй раз заложили. И вот второй-то был тридцать лет назад, а не двести.

* * *

Наверх мы поднялись под утро, вымотанные, и я сделал единственное разумное, что мог сделать в таком состоянии: запер сундук в кабинете, лёг спать и запретил себе читать до приезда Иларии.

Продержался я, честно скажу, до полудня.

К её приезду я прочёл треть.

* * *

Она приехала на третий день, как обещала, и я встретил её у ворот.

— Илария, у меня новость.

— По вашему лицу я вижу, что новость такая, из-за которой я не буду сегодня смотреть кисейницу, — определила она, слезая с телеги.

— Сегодня точно не будете.

— Тогда сперва я всё-таки её посмотрю, — распорядилась Илария. — Тобиас, я тринадцать лет работаю так: сперва зверь, потом всё остальное. Ваша новость подождёт полчаса.

Она посмотрела кисейницу.

Потом села в кабинете, взяла первый лист и не вставала одиннадцать часов.

* * *

Первую ночь после находки никто не спал.

Мы вытащили сундук в четвёртом часу, и я, как уже говорил, запретил себе читать до Илари и продержался до полудня.

А остальные не спали по другой причине.

Мавра, узнав утром, села за стол и сидела там до вечера.

— Мавра, ты чего?

— Я сорок восемь лет мимо этой стены хожу, — отозвалась она. — В подвал за солениями, мимо стены, по три раза в неделю. Сорок восемь лет.

— Мавра, там штукатурки не было. Стена как стена.

— Стена как стена, — согласилась она. — Мальчик мой, а сколько ещё у нас в доме таких стен?

Вопрос был хороший, и я на него ответил делом: со следующей недели Бернат с Пимом обстукали весь дом.

Девятнадцать комнат, подвал, чердак, зимовник, каретный сарай.

Нашли три пустоты.

Первая — за печью в дальнем флигеле, том самом, где жили Хольтовы. Оказалась дымоходом, заложенным при переделке печи.

Вторая — под лестницей на чердак. Оказалась гнилой доской.

Третья — в стене малой гостиной, за тем самым расшатанным столом.

Вот третью мы вскрывали с большой осторожностью.

Внутри лежала бутылка вина, заложенная, судя по сургучу, лет шестьдесят назад.

Мавра, увидев её, произнесла фразу, которую я записал дословно:

— Ну хоть кто-то в этом доме прятал нормальное.

Я не буду излагать всё — там на семь книг, и половина мне до сих пор не понятна.

Скажу главное.

Первое. Велен Реннел Третий не был энтузиастом-собирателем. Он был владельцем, который тридцать девять лет вёл наблюдения по своей земле, потому что ему за это платили.

В сундуке лежала копия договора: корона поручает владельцу Реннельского Урочища вести наблюдение за перекрёстком и представлять отчёты дважды в год, за вознаграждение в сорок золотых.

Договор был подписан в четыреста восемьдесят втором.

Отчётов в сундуке было семьдесят восемь.

Второе. Отчёты уходили в палату четырнадцать лет, а потом перестали приниматься.

Причина в переписке изложена буднично: учреждена Королевская порталная служба, наблюдение за переходами передано ей, надобность в отчётах владельца отпала.

Велен Реннел писал их ещё двадцать пять лет.

Никому.

Третье. Он не просто мерил. Он ставил опыты.

* * *

Опыты были описаны сухо и подробно, и от этой сухости у меня несколько раз вставали волосы.

Он нумеровал их. Всего опытов было сто девять.

Он проверял, что делает тропу живой.

Он сажал в вольеры зверей из одного мира и смотрел, зажжётся ли камень. Он выяснил про якорь на семнадцать лет раньше, чем это записали в устав службы.

Он проверял, что происходит, если якорь увезти на время. Тропа держалась одиннадцать дней и гасла на двенадцатый; когда якорь возвращали — вспыхивала за час.

Он проверял пошлину. Клал на камень монеты сам, свои, и записывал, что ничего не происходит. Потом просил класть работников — за плату. Ничего.

Потом полтора года пробовал всё подряд: серебро вместо золота, медь, свинец, битую посуду, зерно, кровь забитой овцы. Ничего.

Опыт номер восемьдесят два: «Клал горсть монет разом — нет. Клал по одной с промежутком в час — нет. Стало быть, не в счёте дело».

Опыт восемьдесят девять: «Велел работнику Клаусу положить монету и обещал за то отпустить на два дня. Положил. Нет».

И только на девяносто первом он додумался до того, до чего додумался.

Запись за пятьсот второй год:

«Клал сам — нет. Платил, чтоб клали, — нет. Ныне же просил Марту, кухарку, положить свою монету добром, без платы, и она положила, и камень взялся теплом на четверть часа.

Стало быть, не металл, а воля.

Записать сие и никому не сказывать, ибо всякий, кто узнает, станет принуждать людей класть добром, а принуждённое добро есть не добро».

* * *

Илария прочла эту запись вслух дважды.

— Тобиас, — заговорила она наконец. — Он это понял двести лет назад.

— Понял и записал.

— И не сказал никому.

— И не сказал, — подтвердил я. — И написал почему. Илария, я третий день думаю про эту строку и не могу решить, что о ней думать.

— Про какую именно строку?

— «Принуждённое добро есть не добро», — процитировал я. — Он побоялся, что знание попадёт не туда. И спрятал его в стену.

— И оно пролежало двести лет.

— Все верно, — согласился я. — За которые тропы гасли одна за другой, потому что никто не знал, чем их держать.

Илария помолчала.

— Тобиас, вы сейчас его осуждаете?

Я подумал.

— Нет, — отозвался я. — Я сейчас понимаю, что через месяц мне придётся решать то же самое.

* * *

На пятый день разбора я собрал всех и прочёл вслух то, что счёл нужным.

Про договор с короной. Про семьдесят восемь отчётов, из которых приняли четырнадцать. Про якорь, вычисленный за семнадцать лет до устава.

Про пошлину и волю читать не стал.

Кеша это заметил сразу.

Реннел, ты пропустил главное.

— Пропустил намеренно.

И собираешься пропускать дальше?

— Не знаю, — признал я. — Ксаверий, дай мне сутки.

Сутки он мне дал и через сутки спросил снова, и вот тогда мы поругались — первый раз всерьёз за два года.

* * *

Ты собираешься сделать ровно то, что сделал он, — определил дракон. — Прочесть, испугаться и заложить обратно в стену.

— Я собираюсь подумать.

Он тоже думал. Девятнадцать месяцев. Потом умер, и вместо него не подумал никто.

— Ксаверий, если это записать в устав, то через год в службе будут знать, что пошлину можно получить, если человек кладёт монету добром, — не согласился я. — И как ты думаешь, что они начнут делать?

Что?

— Убеждать, — отозвался я. — Сначала объяснять. Потом уговаривать. Потом обещать за это льготу на проход. А потом придёт человек с расчётом и сообразит, что дешевле нанять сотню бедняков и объяснить им, что класть монету добром — это их долг.

И это перестанет работать.

— И это перестанет работать, — подтвердил я. — А они не поймут почему и будут нанимать вдвое больше.

Дракон долго молчал.

Реннел, ты сейчас впервые за два года рассуждаешь как твой прапрадед, — заметил он наконец. — *И я не знаю, поздравлять тебя или соболезновать.*

* * *

Пиму и Илмету я дал читать отчёты.

Не спорную часть — семьдесят восемь отчётов о промерах, где не было ничего, кроме цифр и состояний.

Дал я их не из доброты, а потому, что нам надо было свести двести лет наблюдений в таблицу, а я на это в одиночку положил бы месяц.

Работали они втроём с Пимовой тетрадю: Илмет читал вслух, Пим записывал в графы, а я проверял каждую десятую строку.

За четыре дня мы свели всё.

И на четвёртый день Илмет, к тому времени говоривший по-нашему уже прилично, задал вопрос, до которого не додумались ни я, ни Илария.

— Господин, а тут пропуск.

— Где именно пропуск?

— За четыреста девяносто седьмой год нет, — доложил он, водя пальцем по своему списку. — Есть весенний, нет осеннего.

Я проверил.

Он был прав.

За тридцать девять лет наблюдений отчёты шли дважды в год без единого пропуска — кроме осени четыреста девяносто седьмого.

— Ксаверий, что было в четыреста девяносто седьмом?

Понятия не имею, меня тогда не было на свете, — отозвался дракон. — *Реннел, спроси у приходных книг. Они на чердаке за двести лет.*

* * *

Приходную книгу за четыреста девяносто седьмой Пим принёс через час, чихая от пыли.

Осень того года выглядела так.

Сентябрь — обычный.

Октябрь — обычный.

Ноябрь — три выплаты по смерти в одном месяце.

Работник Клаус, двадцати девяти лет. Работница Дана, тридцати одного. Работник Игге, сорока четырёх.

Три человека за ноябрь, в хозяйстве, где всего работников было девять.

И приписка рукой владельца, единственная за всю книгу: «Погребены в один день».

Я закрыл книгу.

— Ксаверий, ты это читал?

Я это тоже прочёл и молчу по той же причине, что и ты.

— Ксаверий, Клаус — это тот работник.

Тот самый, которому он обещал два дня отпуска за монету, — подтвердил Ксаверий Аргентум Третий. — Опыт восемьдесят девятый.

Я нашёл записи опытов.

Опыт восемьдесят девятый датирован маем четыреста девяносто седьмого.

Между опытом и тремя смертями было полгода.

* * *

Илария, узнав, отреагировала не так, как я ждал.

— Тобиас, полгода — это много.

— Илария, три человека из девяти за месяц.

— Три человека из девяти за месяц — это эпидемия, а не проклятие, — не согласилась она. — Тобиас, ноябрь. Погребены в один день. Знаете, что это чаще всего?

— И что же это чаще всего?

— Горячка, — отозвалась она. — Или грудная. В ноябре, в сыром доме, при плохом корме — это самое обычное дело. Я такое в Овеске видела трижды за двенадцать лет.

Я сидел и смотрел на приходную книгу.

— Илария, вы сейчас меня успокаиваете?

— Я вас поправляю, — уточнила она. — Тобиас, вы третий день ищете, чем кончаются опыты с камнем, и потому увидели связь там, где её, скорее всего, нет. Это называется искать под фонарём.

— А если она есть?

— А если она есть, то он бы её записал, — не согласилась Илария. — Тобиас, этот человек записывал всё. Он записал, что Марта пошла добром. Он записал, что оглох на четверть часа. Он записал даже то, что не понял промеров.

Она постучала пальцем по книге.

— И если бы три его работника умерли из-за камня, он бы это записал первым делом. А он написал «погребены в один день» — и всё.

Я перечитал приписку.

Она была права, и от этого стало легче ровно наполовину.

Потому что оставалось второе объяснение, которое ни она, ни я не произнесли вслух: он мог и не записать.

А на шестой день Илария положила передо мной один лист.

— Тобиас, посмотрите отчёт за пятьсот четырнадцатый.

Я посмотрел.

Обычный отчёт: промеры, состояние камней, движение по тропам за полугодие.

— И что я должен тут увидеть?

— Не тут, — уточнила она. — На обороте.

Я перевернул.

На обороте, поперёк, чужой рукой было написано: «Не принято. Наблюдение за переходами передано в ведение Королевской порталльной службы. Копию отчёта оставить в деле».

— Копию оставить в деле, — прочёл я вслух.

— Копию оставить в деле, — повторила Илария. — Тобиас, значит, копии его отчётов лежат где-то в архиве. Все семьдесят восемь.

Я поднял голову.

— Или лежали, — уточнил я.

* * *

Четвёртое лежало на дне, отдельной пачкой, перевязанной трижды.

Это были записи за последние два года его жизни.

Пятьсот двадцатый и пятьсот двадцать первый.

Про старший камень.

Он нашёл его в пятьсот девятнадцатом — при закладке нового зимовника, при рытье котлована под подвал, ровно там, где мы стояли.

И девятнадцать месяцев его изучал.

Из записей. Старший камень не гас никогда, потому что никогда не был зажжён. Тепла не даёт. На пробы не отзывается. Промеры от него до прочих камней дают отношения, которых Велен Реннел не понял и честно написал, что не понял.

А в конце последней тетради была запись, датированная за четыре месяца до его смерти.

Я прочёл её первым и потом дал Иларии, и она читала долго.

* * *

«Ноября осьмнадцатого.

Ныне положил на старший камень монету добром, своею рукою, и просил Марту тоже, и она положила.

Камень взялся.

Не теплом, как прочие, а иначе: свету не было, а сделалось в подвале тихо так, что я оглох на четверть часа и Марта тоже.

И в тишине сей я услышал, как со мною говорят.

Не голосом. Как дракон говорит, но не дракон.

И спрошено было у меня: сколько вас.

Я не ответил.

Убрал монету, и всё кончилось, и Марту отпоил водою, и она к ночи оправилась и наутро ничего не помнила.

Записываю сие один раз и более к сему не возвращаюсь.

Старший камень не разжигать. Я не знаю, кто спрашивал. Но спрашивали не про то, сколько нас в доме».

Глава 11

Лампу я в тот раз не ставил.

Я поехал сам.

Фойт отвёз меня к сараю за болотом на своих р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.